

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2023

№ 27

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Редакционная коллегия журнала
«Вопросы лексикографии»

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) – председатель
Е.В. Иванцова (Томск, Россия) – зам. председателя
С.С. Земичева (Москва, Россия) – отв. секретарь
В.Ю. Апресян (Москва, Россия)

Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)

А.Д. Жакупова
(Кокчетав, Казахстан)

В.М. Мокиенко
(Санкт-Петербург, Россия)

С.А. Мызников
(Москва, Россия)

А.Н. Соболев
(Санкт-Петербург, Россия)

О.В. Фельде (Красноярск, Россия)

Р. Ханзен-Кокоруш (Грац, Австрия)

Е.А. Юрина (Москва, Россия)

И. Янышкова (Брно, Чехия)

Editorial Board of the
Russian Journal of Lexicography

Tatiana A. Demeshkina (Tomsk, Russia) – Chairperson

Yekaterina V. Ivantsova (Tomsk, Russia) – Deputy Chairperson

Svetlana S. Zemicheva (Moscow, Russia) – Executive Editor

Valentina Yu. Apresyan (Moscow, Russia)

Nikolai D. Golev (Kemerovo, Russia)

Aygul D. Zhakupova
(Kokshetau, Kazakhstan)

Valery M. Mokienko
(Saint Petersburg, Russia)

Sergey A. Myznikov
(Moscow, Russia)

Andrey N. Sobolev
(Saint Petersburg, Russia)

Olga V. Felde (Krasnoyarsk, Russia)

Renate Hansen-Kokoruš (Graz, Austria)

Yelena A. Yurina (Moscow, Russia)

Ilona Janyšková (Brno, Czech Republic)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/lex/>

© Томский государственный университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Боброва М.В., Колосько Е.В. О своеобразии частицы <i>чѣ</i> и сочетаний с ней в связи с вопросами лексикографирования	5
Гриценко Е.С., Галочкин А.Е. Семантическое наполнение понятия «популизм» в английском языке (опыт лексикографического и корпусного анализа)	29
Золотых Л.Г., Барышникова Е.Н., Космачёва О.Ю. Фразеографический потенциал «Большого универсального словаря русского языка»	47
Меркулова И.А., Маркова Е.М. Сопоставление лексических ядер чешского и словацкого языков методом параметрического анализа словаря	69

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Мацкевич Н.А., Щитова О.Г. Идеографический словарь архитектурно-дизайнерской терминологии русского языка	86
---	----

CONTENTS

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Bobrova M.V., Kolos'ko E.V. On the uniqueness of the particle <i>chyо</i> and phrases with it in connection with the issues of lexicographizing	5
Gritsenko E.S., Galochkin A.E. Semantic dimensions of populism in English (dictionary and corpus data analysis)	29
Zolotykh L.G., Baryshnikova E.N., Kosmacheva O.Yu. Phraseographic potential of the Big Universal Dictionary of the Russian Language	47
Merkulova I.A., Markova E.M. A comparison of Czech and Slovak lexical nuclei using vocabulary parametric analysis	69

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Matskevich N.A., Shchitova O.G. Ideographic dictionary of architecture and design terminology of the Russian language	86
--	----

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Научная статья
УДК 81'374:28
doi: 10.17223/22274200/27/1

О своеобразии частицы *чѣ* и сочетаний с ней в связи с вопросами лексикографирования

Боброва Мария Владимировна¹, Колосько Елена Валентиновна²

^{1, 2} *Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия*

¹ *bomaripgu@yandex.ru*

² *evkolosko@mail.ru*

Аннотация. Анализируется диалектно-просторечная частица *чѣ*, а также сочетания с ней на материале картотеки «Словаря русских народных говоров» в сопоставлении с частицей *что* в литературном языке. Выявлена специфика частицы с точки зрения основных параметров: формального, функционально-прагматического (коммуникативного), смыслового. Сделаны выводы о способах корректной лексикографической репрезентации особенностей данного слова и сочетаний с ним. Исследование подтвердило идею авторов о необходимости включения диалектно-просторечной лексики в диалектные словари.

Ключевые слова: диалектология, диалектная лексикография, диалектно-просторечная лексика, частица, *чѣ*

Для цитирования: Боброва М.В., Колосько Е.В. О своеобразии частицы *чѣ* и сочетаний с ней в связи с вопросами лексикографирования // Вопросы лексикографии. 2023. № 27. С. 5–28. doi: 10.17223/22274200/27/1

Original article

doi: 10.17223/22274200/27/1

On the uniqueness of the particle *chyо* and phrases with it in connection with the issues of lexicographizing

Maria V. Bobrova¹, Elena V. Kolos'ko²

^{1, 2} *Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation*

¹ *bomaripgu@yandex.ru*

² *evkolosko@mail.ru*

Abstract. The article continues a cycle of works in which the authors explore the common parlance word *chyо*. In connection with the issues of lexicographic description, the particle *chyо* and phrases with it are considered. Their specificity is revealed on the material of the card file for the *Dictionary of Russian Folk Dialects* in comparison with the particle *chto* in the literary language according to the *Dictionary of Contemporary Russian Literary Language*. The particle is considered from the point of view of the main parameters of functioning and lexicographizing: formal, functional-pragmatic (communicative), and semantic. The analysis is complicated due to the actual absence of an exhaustive and consistent theory of particles for literary language and dialects. The following results were obtained. (1) According to various parameters, the particle *chyо* is only partially identical to its equivalent in the literary language, the semantic and functional-pragmatic range of the common parlance word *chyо* is wider. (2) In order to avoid contradictions of various theoretical approaches, the term “complex particle” should be abandoned in favor of the term “composite particle”, and labels clarifying the category of particles should be abandoned in favor of formulations that indirectly reflect the necessary information such as “used in interrogative and exclamatory sentences”, “used to enhance the meaning”, etc. (3) Polyfunctionality (a combination of features of different parts of speech) as a fundamental feature of the functioning of particles should be taken into account when defining the word *chyо*. Its definition, if possible, should also reflect the “shades” of the meaning *chyо* gives and describe transitional cases of using the particle as an interjection or introductory word. (4) For a correct lexicographic presentation of the material, if possible, the intonation of the phrase with the word *chyо* should be taken into account, it is necessary to include the widest possible context, commentaries of compilers of field materials. (5) It is necessary to reflect in the interpretation the shades of meaning, expressive and emotional evaluation, the modalities introduced by particles into the utterance. The features of the use of particles are easier to

identify using substitution (by synonyms, equivalents) and elimination (removing of the analyzed word from the utterance) methods. (6) A special, in-depth consideration of combinations with the word *chyо*, including in the role of a particle, is required, which is the immediate prospect of this research. The article concludes that the analyzed materials confirm the authors' idea of the need to include common parlance words in the corpus of dialect dictionaries and develop special approaches for the correct lexicographizing of such vocabulary.

Keywords: dialectology, dialect lexicography, dialect and common parlance vocabulary, particle, “chyо”

For citation: Bobrova, M.V. & Kolos'ko, E.V. (2023) On the uniqueness of the particle *chyо* and phrases with it in connection with the issues of lexicographizing. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 27. pp. 5–28. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/27/1

Диалектные лексикографы вынуждены постоянно искать и находить решения сложных вопросов, совершенствовать теоретические подходы к практическим вопросам, чтобы затем снова возвращаться к теории и уточнять ее. Со временем только большую остроту приобретает идея О.И. Блиновой о том, что следует рассматривать «лексикографический метод как один из инструментов получения теоретического знания» [1. С. 14] (см. об этом также [2, 3]).

Появление данной статьи обусловлено необходимостью продолжить наши изыскания относительно особенностей функционирования в речи диалектоносителей слова *чѣ* и корректной репрезентации этих особенностей в словарях. Актуальность исследований в отношении «диалектно-просторечных слов», т.е. лексики, используемой в системе диалекта и в просторечии, но не употребляемой в нормированном литературном языке (см. [4. С. 102] и последующие работы), подчеркивалась нами в предыдущем выступлении на страницах журнала «Вопросы лексикографии»: «...отсутствие единых подходов к подобным языковым фактам приводит к несогласованности, непоследовательности и даже противоречивости лексикографических продуктов» [5. С. 6].

В указанной публикации на примере слова *чѣ* нами были отражены содержательные, формальные и функционально-коммуникативные особенности бытования диалектно-просторечных слов в диалектной речи, которые в конечном итоге связаны с общими вопросами лексикографической теории. Позднее мы уточнили наши подходы и предложили принципы лексикографического описания данного слова как местоимения и союза [6–8].

Мы берем на себя смелость обратиться к тому участку морфологической теории, который до сих пор видится наиболее «темным». Если для отдельных групп служебных слов удалось найти формально-смысловые и функциональные обоснования для их отмежевания от общей группы «частиц языка» (предлоги оформляют подчинение одного знаменательного слова другому в пределах синтагмы, союзы – синтаксические связи словоформ и предложений, междометия служат для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто произвольных) эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность [9. С. 704, 712, 731]), то «найти для них [частиц] общие категориальные признаки не представляется возможным» [10. С. 6]. В конечном итоге к частицам – необходимо это признать – элементы речи относят либо по традиции (ориентируясь на классификацию В.В. Виноградова, на списки в академических грамматиках, «авторские» списки и др.), либо по остаточному принципу. Это неизбежно приводит к разночтениям и противоречиям. Сложно определить, например, чем отличаются лексема *очень*, квалифицируемая как наречие меры и степени, и лексема *почти*, которую относят к разряду выделительно-ограничительных частиц (*почти* логичнее рассматривать не как «ограниченность», а как «неполную или недостаточную степень» проявления признака). Если считать отличительным признаком вводных (модальных) слов их способность не только выражать субъективно-модальную оценку, но и называть ее, то мы затруднимся в определении того, насколько деэтимологизированным можно считать диалектно-просторечное *гыт*, *грит* из *говорит*. Будет ли оно ближе к частице *якобы* или к модальному слову *говорит*? И насколько правомерно тогда относить к классу модальных, а не частиц аналогичные по происхождению и значению слова *вишь*, *мол*, *де*, *дескать*? А далее это ведет к практическим проблемам, одна из которых – необходимость уточнения и заучивания списков слов, которые (не) нуждаются в обособлении.

Впрочем, в «Русской грамматике» 1980 г. [9. С. 722] определено, что в любой частице «присутствует значение отношения: или отношения (отнесенности) действия, состояния либо целого сообщения к действительности, или отношения говорящего к сообщаемому, причем оба эти вида отношений очень часто совмещаются в значении одной частицы». Не случайно, однако, что в данную группу отнесены слова, выступающие в слабо соотносимых функциях формобразова-

ния и выражения разнообразнейших коммуникативных характеристиках сообщения (а также функции словообразования, не отмеченной в данном справочнике): это попытка объединить разнородные явления. Более того, «многие частицы по своему значению и по своим синтаксическим функциям не противостоят резко словам других классов – союзам, вводным словам, междометиям, наречиям, а совмещают в себе качества частицы и слова одного из этих классов», «противопоставление друг другу таких значений как принадлежащих словам разных классов оказывается неправомерным, и слово должно квалифицироваться как “частица-союз”, “частица-наречие”, “частица-местоимение”, “частица-глагол”, “частица-междометие”, “частица – вводное слово»» [9. С. 729, 723]. Ср., например, продолжающие эту идею рассуждения О.Ю. Степановой о градуальности выражения грамматического значения в синкретичных служебных словах; на примере сравнительного союза *что* и сравнительной частицы *что* показано: на шкале переходности это могут быть звенья по типу А – Аб – АБ – аБ – Б [11].

Несмотря на то, что предпринимались многочисленные попытки определить сущностные свойства частиц в структурно-семантическом, семантическом, формально-грамматическом, лингвопрагматическом, функционально-прагматическом, дискурсивном аспектах, в коммуникативном синтаксисе, в конструктивном синтаксисе, в лингвистике текста и т.д. (см. работы В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведовой, А. Вежбицкой, Е.В. Падучевой, Г.Е. Крейдлина, И.М. Богуславского, Ю.Д. Апресяна, И.М. Кобозевой, Т.М. Николаевой, Е.А. Стародумовой и мн. др.), рано заявлять о разработке окончательной и непротиворечивой теории частиц. По-прежнему не определены границы класса частиц (как не определено однозначно, является он морфологическим или чисто функциональным), а решению этой, краеугольной, проблемы препятствуют явления полифункциональности (грамматической омонимии с сохранением общей семы), (лексической) омонимии и гибридности (наложением разных грамматических значений) в современной языковой системе. Следствием этого оказывается невозможность однозначной квалификации многих речевых единиц в качестве частицы или иной части речи (ср. об этом, в том числе с точки зрения проблем лексикографического описания частиц, в [10]).

В работе с диалектной речью положение усложняется, прежде всего, по причине слабой разработанности общей грамматической теории русских диалектов. Даже в специальных работах частицы *что*, *чё*

исследователями не рассматриваются (ср., например, [12], где в ряду других обнаруживается лишь частица *только что*). Представления о составе и функциях диалектных частиц лакунарны, а в какой-то степени фрагментарны. И теоретически можно было бы определять статус отдельных диалектных элементов с опорой на списки, предлагаемые грамматистами для литературной речи (см., например, [13–15], др.), но здесь возникает еще одна причина, затрудняющая научные поиски, – лишь частичная интерференция и значительное несовпадение словарного фонда литературного языка и территориальных говоров, а далее – несовпадение (варьирование) состава частиц по говорам. В связи с разнообразием региональных вариантов еще острее встает вопрос о синкретизме грамматических значений и функций в одном элементе высказывания (ср. [16]). Исследователи отмечают, что в диалектной речи частицы функционально способствуют не только синтаксической, интонационной, смысловой организации высказываний, но играют большую роль в ее ритмообразовании [17. С. 204–205; 18. С. 76; 19. С. 382–383]. И наконец, до сих пор нет ни одного исследования, посвященного частице *чѐ*.

Проиллюстрируем специфику и возможные способы описания частицы *чѐ*, привлекая материалы картотеки «Словаря русских народных говоров». Правомерно сделать это в сопоставлении с литературным словом *что*, опираясь на данные «Словаря современного русского литературного языка» (ССРЛЯ), так как, во-первых, картотеки данных словарей содержат сведения о лексической системе русского языка примерно одного периода: XIX–XX вв. Во-вторых, сведения СРНГ и ССРЛЯ наиболее полны в сравнении с другими словарями. Например, С.А. Кузнецовым в «Большом толковом словаре русского языка» омоним-частица не выделяется, лишь отдельные сочетания с таким местоимением функционально приравняются частице («в зн[ачении] частицы») либо квалифицируются как фразеологические [20. С. 1483–1484]. Частица *чѐ* представлена в единичных диалектных словарях, и, например, такой омоним выделен в «Вершининском словаре» [21. С. 256–258], но некоторые частичные сочетания репрезентированы в нем как фразеологизмы в статье на местоимение *чѐ*, ср. *а чѐ, токо чѐ, чѐ попало* и др. [21. С. 255–256]. Подробная словарная статья представлена в полном «Словаре говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области» [22. С. 160–162], но и она должна быть уточнена при «панорамном» видении, которое может дать

только максимально широкий обзор диалектных материалов. В-третьих, компаративный потенциал ССРЛЯ ценен в связи с тем, что в словаре пометой *разг.* и *прост.* выделены слова и значения, тесно коррелирующие с просторечно-диалектными, и это позволяет судить о стилистических особенностях анализируемых диалектных лексем.

При характеристике частицы *чѐ* целесообразно опираться на лексикографическую теорию О.И. Блиновой и Томской лингвистической школы и учитывать различные (в их терминологии) параметры описываемого слова: функциональный, функционально-прагматический (коммуникативный), смысловой.

Большую сложность составляет терминологическое определение разряда частиц в силу огромного разнообразия классификаций, предложенных на данный момент грамматистами литературного языка. Оставляя в стороне вопрос о таксономии частиц по происхождению, отметим, что предлагаемые классификации могут выстраиваться на разных основаниях (семантических, функциональных, коммуникативных и др.), причем нередко авторами в одной классификации критерии смешиваются, что неудивительно при работе со столь «разношерстным» и явно неравновесным материалом.

Естественно поэтому, что в ССРЛЯ из 10 лексико-семантических вариантов (ЛСВ) лишь для трех определен разряд: для ЛСВ 2 и 5 – указательная, для 3 – вопросительная. В остальных случаях разновидность частицы *что* выражена косвенно, ср.: ЛСВ 1 «Употребляется в начале вопросительного или восклицательного предложения...», ЛСВ 6–8, 10 «В составе сложной модальной частицы...», ЛСВ 9 «В составе сложной указательной частицы...». В ЛСВ 4 («Употребляется (для заполнения возникшей паузы)...»), а также в ЛСВ 3 («Употребляется в диалоге...») подчеркнут коммуникативный характер использования слова *что*, но такой разряд не выделялся В.В. Виноградовым и авторами Академической грамматики–60 (под ред. В.В. Виноградова). Полифункциональность частицы отражается в ЛСВ 6 «В составе сложной модальной частицы “что за”». Употребляется в восклицательных и вопросительных предложениях для усиления выразительности высказывания» (модальный и экспрессивный характер), в ЛСВ 8 «В составе сложной модальной частицы “что же (что ж)”». Употребляется в вопросительных и восклицательных предложениях. а) В повествовании о чем-нибудь при пе-

реходе к последующей картине, событию и т.п.» (модальный и коммуникативный характер), в других ЛСВ.

В связи с упомянутыми терминами оговорим необходимость уточнить те из них, которые указывают на структуру частиц. По нашему мнению, следует отказаться от понятия «сложная» в пользу «составная» во избежание смешения терминологии морфологии и словообразования. Как известно, под сложными обычно понимают слова, образованные путем сложения корней, что некорректно в отношении частиц, составленных из нескольких лексических компонентов (*почти что, даже и, что ли, бы то ни было* и под.).

Как и слово литературного языка, диалектная частица *чѣ* и сочетания с ней не способны участвовать в образовании слов и грамматических форм слов, вместе с тем ее функциональный диапазон значительно шире. В материалах СРНГ обнаруживается способность слова *чѣ* формировать модальность вопроса, помогать усилению смысла и выражать смысловые оттенки, служить коммуникативно значимым средством диалогичности, текстовым коннектором. Частица и сочетания слов с ней могут функционально сближаться с вводными (модальными) словами, выражая отношение к высказываемому в относительно автономной позиции в структуре предложения, или с междометиями, выступая средством побуждения к действию или выражения эмоциональной реакции. Помимо указанного, частицы служат средством прагматической организации текста (монологического или диалогического), маркируя границы смысловых отрезков, «говоря о намерении одного из партнеров провести беседу в том или ином иллокутивном ключе» [23. С. 87], вербализуя перлокутивный эффект, аксиологический компонент высказывания, выступая элементом ритмико-мелодического рисунка фразы, участвующим в смысловом ее оформлении, и т.д.

Не останавливаясь на спорах о наличии или отсутствии у частиц лексического значения, продемонстрируем особенности функционирования слова *чѣ* в речи диалектоносителей с точки зрения семантики.

В.В. Виноградов в числе первых указал, что значение частиц определяется непосредственно в высказывании, в которое они привносят дополнительные модальные и смысловые оттенки [24. С. 543–555, 594–610]. Частица *чѣ* не является исключением и, как большинство русских частиц, «не имеет инвариантного лексического значения, но обладает весьма значительным импликационалом, т.е. набором по-

тенциальных сем, каждая из которых выявляется через сочетаемость с другими элементами контекста» [25. С. 105].

Можно констатировать, что преобладают ЛСВ слова *что*, абсолютно совпадающие с ЛСВ слова *чѐ*.

Тожественны вопросительные частицы *что* (и просторечное *че-го*) и *чѐ*, которые употребляются в диалоге как отклик или переспрос: а) [Арина Ивановна:] *Акуля!..* [Голос Акулины:] **Что?** [Арина Ивановна:] *Самовар. Найден. Дети Ванюшина. – Мне кажется, ваше превосходительство, она совсем не стоит четырех тысяч. – Что?* Гог. Коляска. *Захар потянул его за полу. – Чего тебе? – грозно спросил Обломов, вдруг открыв глаза.* Гонч. Обломов [26. Стб. 1131]; б) – *Анна! – Чѐ?*¹ [из горницы]. Шадр. **Перм.** – *Пойдёшь со мной? – Чѐ?* Том. **Том., Кемер. Чѐ ты? Что надо? Тамб., Костром., Арх.** Они могут использоваться в начале вопросительного или восклицательного предложения для выражения удивления, недоумения (близко к *разве*): а) **Что**, ты играешь еще на флейте? В. Соллогуб, Тарантас, 6 [26. Стб. 1129]; б) **Чѐ**, в такси надо ездить? Тарск. **Омск.** Вопросительные частицы выступают также в предложениях, предполагающих отрицательный ответ, усиливая его: а) – *Какое мне дело!.. Что я разве друг его какой, или родственник?..* Лерм. Максим Максимыч. **Чего** с ним говорить? М. Горький. Васса Железн. [26. Стб. 1130]; б) *Он чѐ разве скажет правду-то, опять хлюпат, поди!* Кирен. **Иркут.** *Прямо рядом строчит гад! А чѐ, под фанерой-то укроешься?! А чѐ, грамотному нельзя работать, что ли? Человек выучится — така и работа даётся. Выпейте да закусите колбаской. Жалко, ли чѐ ли?* Красновишер. **Перм.** Литературная и диалектная частица способны выступать в вопросительных предложениях в значении близком к «как», для побуждения собеседника к ответу на вопрос, к разъяснению чего-либо: **Что**, барин не приходил еще? А. Остр. Не сошлись характ. – **Что ж?** – спросил Пугачев. – *Страшно тебе?* Пушкин. Кап. дочка [26. Стб. 1130]; б) **Чѐ**, заволочили уже? Дон. **Чѐ**, не взяли тебя в долю? Усть-Цилем. **Арх.** (в этой же функции выступают усилительные сочетания *а чѐ, а чѐ почему, дак чѐ, ну чѐ*).

Усилению выразительности способствует использование функционально тождественных частиц *что за, чѐ за*: а) **Что за** скука, **что за** горе наше бедное житье! Пушкин. Бор. Годунов (вар.) [26. Стб. 1131];

¹ В тексте сохранена орфография и пунктуация источников картотеки СРНГ.

б) **Чё за матери таки!** Не проводят, не стрелят ученикох, прямо диво мне! Красновишер. **Перм.** Ну, это **чё за гости, гости** из под-мостья. Усть-Цилем. **Арх.** В аналогичном значении выступает частица *до чего* (и тождественная ей частица *до чё*), которая не учтена в ССРЛЯ, но нашла отражение в Академической грамматике–80: а) *Хорош до чего лес! До чего ты устал!* [9. С. 723]; б) *До чё дожили люди! Никуда не годна эта жизнь. Ой, до чё довели! Вот до чё догуляла – и пим потеряла! Вот до чё разленились.* Том. **Том.**

Диалектная частица и сочетания с ней также может выступать в роли вводного слова, в значении «может быть, возможно»: а) – *А что, поставить, что ль, самовар?* – *спросила Мавра.* Дост. Униж. и оскорбл. [26. Стб. 1132]; б) *Самовар ли чё ли вам ставить?* Шадр. **Перм.**; в значении «кажется, вероятно»: а) *Дружным залпом отвечали Мы французам. – «Это что? – Удивясь они сказали: – Эхо, что ли?» – «Нет, не то».* Пушк. Бонапарт и черногорцы [26. Стб. 1132]; б) *Сегодня среда чё ли?* Туган. **Том.**; в значении «пожалуй»: а) *Выпь-ем, что ли, Ваня, С холода да с горя.* Огарев, Кабак [26. Стб. 1132]; б) *Ну давай ли чё ли две, одной-то, может, мало будет.* **Перм.**

Востребована и связочная функция частиц в тексте (в значении близком к значению частиц *и вот, а вот*): а) *Лишь ступил на двор широкий – Что ж? под елкою высокой, Видит, белочка при всех Золотой грызет орех.* Пушк. Ск. о царе Салтане [26. Стб. 1132]; б) *Чё мы, старухи, поём, поём. А он чё, бежит за нами.* Том. **Том.**

Данные частицы могут служить средством выражения примирения с чем-нибудь, смирения со сложившимся положением или одобрения чего-либо: а) *Что ж? это небольшое горе...* Пушк. Отр. из путеш. Онег. *Ну что ж, обедать так обедать, – сказал член военного совета Матвеев. Симон. Дни и ночи* [26. Стб. 1132–1133]; б) *Чё уж там! Теперь уж не надо и поминать, тамошну-то жизнь не надо и поминать!* Красновишер. **Перм.** *Ну чё ж?* Том. **Том.**

Сочетания с *что* и *чё* в указательной функции могут использоваться для уточнения, разъяснения чего-либо, в значении «знаете ли (знаешь ли)»: а) – *Да, Володя, вот что! Ты все-таки поговори об этом деле с Будиновским.* Верес. На повороте [26. Стб. 1133]; б) *Вот чё, кум: я, это, пассажира привёз.* Шадр. **Перм.**

Наконец в восклицательных предложениях они могут использоваться для выражения пожелания, в значении «вот если бы, хоть бы, хорошо бы»: а) *Что бы дождю идти в будни! Так нет...* А.Н. Толст.

Подкидн. дураки [26. Стб. 1133]; б) *А лень говорит: – Чѣ бы эти яблоки рвались и в рот клались* (сказка). Южн. **Краснояр.**

По каким-то причинам в ССРЛЯ не была отражена способность слова *что* выступать в значении некатегоричного побудительного междометия, близком к «давай(-ка), давайте(-ка)» (в высказываниях типа *Ну что (что ж), приступайте к заданию, Что (ж), приступим?*), которое очень характерно и для частицы *чѣ*: *Чѣ, девчонки, пойдѣмте с нами бродить!* Том. **Том.** *Ну ли че ли иди, пока не отбузгал.* Курган. **Перм.** *Ну чѣ, паря. Ставить надо быки.* Октябр. **Хабар.** Частица *чѣ*, аналогично слову *что*, может употребляться в риторическом вопросе для выражения сочувствия: *Чѣ, больно? Чѣ, стукнулся?* Красновишер. **Перм.**

Сохранение генетических связей слов *что*, *чѣ* и сочетаний с ними, выступающих в функции частиц, очевидно, и это прослеживается не только в семантических параллелях, но и в способности создавать рамочные конструкции: «*что... что ли?*» – «*чѣ... что ли?*», «*чѣ... ли чѣ?*», под. Вместе с тем есть множество отличий, но – подчеркнем – большинство из них имеет широкое распространение в просторечии и в русских говорах наряду с собственно диалектными ЛСВ слов и сочетаниями.

Вероятно, можно говорить о стилистической дифференциации *что* и *чѣ* в народной речи: только первое, подобно словам книжного стиля в речи литературной, способно использоваться в функционально ограниченных жанрах, в данном случае – в фольклорных текстах, а вместе с тем в нейтральном употреблении. Ср. в подражании А.С. Пушкина: *Что не конский топ, не людская моль, Не труба трубача в поле слышится.* Песня о Ст. Разине [26. Стб. 1131] – и в фольклорных сборниках С.И. Соболевского, А.Ф. Гильфердинга, Е.В. Барсова, П.В. Шейна и т.д. *Чѣ* – принадлежность исключительно бытовой коммуникации, что прекрасно осознается самими диалектоносителями и определяет возможность его употребления в «низких» жанрах, имитирующих речь сельских жителей: *Милка чѣ, да милка чѣ, Милка сердишься на чѣ* (чапушка). **Сиб.**

Вероятно, разговорным характером объясняется то, что для высказываний с частицей *чѣ* и сочетаниями с ней характерна, например, бо́льшая степень непринужденности, фамильярность, нередко сниженность оценки, а в целом значительно более выраженная эмоциональность, часто – полемичность, категоричность и даже некоторая

доля агрессивности или, наоборот, дружелюбность или снисходительность говорящего. Контексты с ней позволяют выявлять смысловые оттенки широкого диапазона. Так, например, в вопросительных высказываниях может выражаться удивление, недоумение, в том числе в сочетаниях, аналогичных литературным *Что ты (вы)!*, ср.: *Мы раз обои с ем кепку ищем: – Ты куда девал кепку? – А я не знаю. – Чё ты, куда девал? – Я обумиться не могу. Том.* Но гораздо чаще недоумение сопровождается оттенком недоверия или сомнения, в значении близком к «неужели»: *Ты чё, Семён, в платке метал, что ли?* Красновишер. *Перм. Чё, и не куришь ли чё? В святы ли чё записался?* Том. *Том.* Нередко частицей *чё* и сочетаниями с ней выражается не просто удивление, а, скорее, возмущение чьими-либо действиями (*Милая моя, да вы чё, сдурели?* Усть-Цилем. *Арх.*) и даже их осуждение (*Ну че, отхлопала [сказала невпопад], не знаешь, че и придумать. Свердл. Ну чё? Почто надо было так делать?!* Красновишер. *Перм.*). Сочетания с *ты, вы* фиксируются в более выразительном, инверсированном виде: *Ты чё, остеклел [перестал соображать]? Не видишь? Ты чё, совсем остеклел? Лезешь прямо на гряды. Иркут. Неужели я не понимаю, что он шутит, вы чё, товарищи? Восподи, ты чё, кума? Давным-давно она, давно она помешалась! Мне мужиков десять сказали: – Ты чё, ты чё, счас же мода! Том. Том. Ты чё, говори да оглядывайся. Усть-Цилем. Арх.* Использование с другими частицами помогает привлечь внимание к фиксируемому факту, позволяет разделить эмоции говорящего: *Ишь чё, зеват – пить просит [корова]. Галк. Курган. Ишь че у вас пленицы-то [паутины] по углам. Свердл. Истопель был плохой, хлеб весь сел на ослу [плохо пропекся], ишь чё, живой осляник. Иркут.*

Диалектные частицы способны использоваться в значении близком к «понятно» для разъяснения обстоятельств, причин действий в рассказе, которые мыслятся как сами собой разумеющиеся, естественные: *Чё, бросишь их середь полё и пойдешь. Большеук. Омск. Сети караулил. А чё, кто-нибудь снимет. Мы-то чё, мы тут все помоложе были. Том. Том.* Частица способна выражать обобщение, выступать в значении «в общем»: *Чё, в погани живёт: и конный, и пеший, и сам леший к ей ходят. Усть-Цилем. Арх.*

Сочетания с частицей *чё* могут выступать в роли утвердительных, причем с подчеркиванием отсутствия причин для отказа на чью-либо просьбу, в значении близком к «почему бы и нет» (*Парень, – я гово-*

рю, – привези мне воды. – **А чѐ**, – говорит, – можно. Том. **Том.** – За грибами ходим? – **Ну к чѐ**, ходим. Невьян. **Свердл.**), и, наоборот, выражающих категоричное несогласие с кем-либо (*Я не чокаю нечѐ*, *Если чѐкну, ну так чѐ?* (частушка). Шадр. **Перм.**).

Ряд сочетаний служит средством выражения согласия, примирения с чем-нибудь или одобрения чего-либо. В литературном языке это сочетания (*а, ну*) *что же (ж)*, просторечное выражение *хоть ты что* ‘ничего не поделаешь, ничего нельзя сделать’ (в ССРЛЯ подано как фразеологическое на омоним-местоимение *что* [26. Стб. 1126]), в диалектах – *чѐ*, *а (да, дак)* *чѐ*: *Отец схватил, в ушае окупал, да чѐ! Поздно*. Терск. **Мурман.** **А чѐ**, *ей хоть ругай – не ругай, а она головой вертит и всё, ей всё равно*. Усть-Цилем. **Арх.** **Дак чѐ**, *он такой огибала, большущий*. Усол. **Перм.**

Материалы СРНГ позволяют также говорить о большем богатстве смысловой палитры в контекстах, в которых *чѐ* (обычно в сочетании (*ли, ле*) *чѐ (ли, ле, ль)*) близко к вводным словам. Диалектоносители подчеркивают неуверенность в точности сообщаемых сведений (в значении близком к «вроде бы», «кажется»: *Она была счетоводом ли чѐ ли*. **Омск.**), примерность, приблизительность называемых дат и количества (*Три, ли чѐ ли, умерло? Остальные живы*. **Алт.** *Отца убили в четырнадцатом году, чѐ ли, я не знаю*. Тарск. **Омск.**), достаточно высокую степень достоверности высказываемого предположения (в значении близком к «похоже»: *Никого ли чѐ ли нету дома-то*. **Курган.** *Погода-то опризорилась ли чѐ ли*. Кем. **Арх.**), сомнения в правильности, необходимости действий (*Не знаю, иди, ли чѐ ли*. **Тобол.** **Тобол.** *Вывалить, чѐ ле, эту рыбу?* Красновишер. **Перм.**), возможность сделанного допущения (в значении близком к «например», «допустим»: *Ну, он подрезок, он родился, хоть баранчик, чѐ ли*. **Кемер.**), др.

Разнообразны эмоционально-экспрессивные свойства слова *чѐ* и сочетаний с ним. Частицы способны выражать негодование, возмущение (*А не чѐ, всё везде вышнырят, ничего от них не уйдет. Это чѐ же, напוגад-гадко, оборони бог, картошки-то как испоругали*. Кирен. **Иркут.** *Чѐ же это, Алексеевна... быдто чѐ сделалось*. Тулун. **Иркут.** *Да чѐ! Кака-то мода! Говорила я ей, да чѐ! Не встревай ты в это дело. Не послушалась*. **Перм.** *Вы бы поглядели, как раньше-то жили, дак руками схлопали бы и сказали: – Это чѐ же, это чѐ же!* Соликам. **Перм.** *Чѐ это, пятёрку прибавят, куда на ей уедешь?* Том.

Том.), силу переживаемых состояний, испытываемых чувств (*Ой, чё, дядя, Миша, ой, прямо с голоду я замираю. Том. Том.*), сожаление из-за невозможности изменить что-либо (*Чё уж говорить-то, здись сторонушка-та!* [очень холодная]. Красновишер. **Перм.** *Чё уж, весь он тут* [доверчивый, открытый]. Усть-Цилем. **Арх.**), др.

Обнаруживаются отличия в сочетаемостных возможностях слова *чё*.

Не фиксируются составные частицы с *чё*, служащие для заполнения пауз и тождественные частицам литературного языка именно *что*, *правда что*, *действительно что* и под. Нет аналога усилительных частиц *не то что*, *только что не*. Не отмечаются выражающие опасение сочетания, соотносимые с *что, если (как, ежели)* или *а (ну) что, если (как, ежели)*, или сочетания, соотносительные с устаревшей частицей *что хотите*, выражающей несогласие, возражение (в значении близком к «как хотите, но»). Впрочем, отсутствие некоторых фиксаций имеет, полагаем, случайный характер, поскольку они встречались нам в речи диалектоносителей и носителей просторечия (например, *если чё, ещё чё!*, др.).

Специфично употребление генетически однотипных образований. Так, сочетание *что ли (ль)* может выступать в литературной речи в значениях ‘может быть, возможно’, ‘кажется, вероятно’, ‘пожалуй’, ‘разве (для выражения сомнения, недоумения)’ [26. Стб. 1132]. В диалектной речи обнаруживаются такие оттенки смысла аналогичных сочетаний с *ли, ле, ль*: а) ‘выражает предположение; может быть, что ли’: *Чёйно ты юбчонку коротку напялила, мандюленку, ноги ли чё кривы на выставкуставляшь* [иронически]. Усть-Цилем. **Арх.** *Пришёл домой хмурёный, обидел кто-то, ли чё ли?* Нижнетавд. **Тюмен.** *От жару ли чё ли голова болит. Кемер. Ишь че захалезил* [т.е. испачкал] *пальтишко-то, упал чё ли?* Кирен. **Иркут.**; б) ‘выражает неуверенность в собственном утверждении, подчеркивает неточность сведений; кажется, вроде бы’: *Воля и доля была ему, а он в тюрьму попал, чё-ли украл.* Усть-Цилем. **Арх.** *Спускают овец на волю – стригут, стригут в апреле чё-ле бат.* Усть-Цилем. **Арх.** *Её свекор и мой свекор были братья, ли чё ли.* Аглицкий платок я нашивала же; он из кумача *ли че ли* был, красный. Соликам. **Перм.** *Узбеки, чё ли, прячут лицо?* **Верхнелен.** *Лопатена литовка, ле чё ле.* **Киров.** || ‘выражает неуверенность в точности называемых дат, количества и т.п.’: *Матерь-то приезжала в гости, прошлый год, ли чё ли.* **Перм.** *В чём душа-то тоже уж! А семьдесят ему пятой ли чё ли. У нас их девят-*

надцать, *ли чѣ ли*, внучат. По литре *чѣ ли* наганивали первы-те концы. Красновишер. **Перм.** Сегодня среда *че ли*? **Том.** Три, *ле чѣ ле*, пары исподки вязала одной спицей. **Перм.** У меня их семь [внуков], *чѣ ли*, как бы не обмануть. Десятка два, *чѣ ли*. **Том.** **Том.;** в) ‘выражает неуверенность, сомнение в правильности решения, необходимости какого-л. действия; что ли’: *А мне фуфайку ли чѣ ли надеть-то.* Красновишер. **Перм.** У меня голова пошла вокруг, другой день, *ли чѣ ли*, прийди. **Перм.** Нето дать, *ли чѣ ли*? **Зап.-, Южн.-Сиб.;** г) ‘выражает намерение, склонность к какому-л. решению; пожалуй’: *Надо варить уж ли чѣ ли уху-то.* **Перм.** В ужну ел худо, а щас есть захотел, подужинать *че ли* немного. Братск. **Иркут.** Ну, пойдѣм *чѣ-ли* поедим. Усть-Цилем. **Арх.;** д) ‘выражает совет, просьбу, указывает на предпочтительность какого-л. решения, действия; лучше, пожалуй’: *Ты бы хоть вынесла ли чѣ ли ей пойло. Ты уж самому-то не сказывай ли чѣ ли, хоть он пускай ничѣ не знат. Ты хоть отдохни ли чѣ ли.* **Перм.;** е) ‘выражает высокую степень достоверности предположения; похоже’: *Светаёт ли чѣ ли на улке-то?* **Курган.** До Семика будет дуть [северный ветер] *ли чѣ ли*. Красновишер. **Перм.;** ж) ‘выражает удивление, недоумение с оттенком недоверия, неодобрения или др.; разве, неужели’: *Хлыпталось [т. е. икалось] тебе, чѣ ле?* **Низ. Печоры.** Вы чѣ, бываете здесь *чѣ ли*? Тарск. **Омск.** *Чѣ ли* одним пеленашиком их перевязала? **Кемер.** Вы сапоги *чѣ ли* носите? **Верхнелен.** Ты на работу *чѣ ль* пошла? **Том.** **Том.** (ср. также в сочетании *чѣ-ко ле*: *Побежитеверху-ту, чѣ-ко ле?* Чердын. **Перм.**).

Обнаруживаются факты своеобразного развития семантики указанных сочетаний в говорах. Так, *чѣ ли* способно выступать в значении ‘указывает на пояснение сказанного ранее; например, допустим’: *Когда ходили на войны, чѣ ли, так и говорили, что не вернѣмся.* Тарск. **Омск.** Ну, он подрезок, он родился, хоть баранчик, *чѣ ли*. **Кемер.** В усть-цилемских говорах зафиксировано употребление сочетания *чѣ ли* в наречном значении, близком к значению неопределенного местоимения *что-то* ‘неизвестно по какой причине’. «Партикулярность» усматривается в выражении семантики удивления, недоумения в связи с сообщаемым фактом или высокой степени достоверности предположения, а также в маркировании начала коммуникации, перехода к новой теме разговора, ср.: *Чѣ-ли беда мне сѣнни худо, ажно голова окружилась. Чѣ-ли я овсе расхворалась, тяжело. Молодые-то мои чѣ-ли сѣнни вообшѣ в прах разругались. Чѣ-ли, Мишка, уж гово-*

ришь, шибко прибавляшь сидишь тут, врать – не деньги брать. Усть-Цилем. **Арх.**, 2005.

Велико количество собственно диалектных сочетаний, которые нуждаются в специальном рассмотрении в силу специфики их образования, происхождения, выражаемых ими смысловых оттенков и выполняемых функций (см., например, [27–29]). Очень остро стоит вопрос о границе группы, о дифференциации сочетаний и фразеологизмов. Важно решить проблемы написания таких сочетаний в силу того, что (а) орфографические нормы, выработанные для литературного языка, не всегда способны помочь при выборе корректного написания для слов живой народной речи; (б) по причине этого составители диалектных словарей предлагают не всегда бесспорные и (или) идентичные решения (ср., например, написания *чѣ-ле*, *ну к чо*, *чѣ-ож* и под.).

Нельзя не остановиться и на том факте, что диалектно-просторечным частицам также свойственна «функциональная полифония», отмечаемая практически всеми исследователями для частиц литературного языка. Помимо приведенных выше примеров, ср. в контексте: *Были мы у него, чо на именинах и на крестинах.* Татар. **Новосиб.** В «Словаре русских говоров Новосибирской области» предложена трактовка слова *чо* в качестве относительного местоимения, синонимичного *что* [30. С. 588]. Однако здесь оно может быть частицей в значении вводного слова, выражающего уверенность в правоте, в правильности утверждения (ср. *конечно, естественно*) или выступающего в роли своего рода обобщающего слова-союза («и то, и другое», «и там, и здесь», «в обоих упомянутых далее случаях»), аналогичного литературной конструкции «что на.., что на..» без тавтологического повтора союзного средства. Ср. также: *...Чѣ ведь не поганый!* Красновишер. **Перм.**, где слово *чѣ* было употреблено, с нашей точки зрения, в первую очередь для противопоставления, в значении сочинительного противительного союза *но*, однако совместило союзное значение с «партикулярным», привнеся разнообразные оттенки: полемичности, уверенности в сообщаемом факте и усиленности. Не теряет актуальности вопрос о подаче *чѣ* и сочетаний с ним в статье на частицы либо на их омонимы (местоимения или союзы), особенно при сохранении связей с исходными сочетаниями и значениями, ср.: *Лико чѣ делают, как собаки аркаются.* Соликам **Перм.** – и *Ли-ка чѣ! Лук-то пропал нонче весь!* Том. **Том.** *Гли-ко чѣ, хвырыздают похлѣбку-то!* Куедин. **Перм.**

Первостепенная роль частиц как средств коммуникативного уровня предопределила важность интонации при определении функции частицы в конкретных контекстах. Вследствие этого в значительном количестве случаев невозможно определить функцию и семантику частиц с абсолютной достоверностью. Ср.: в высказывании *Чѣ, не взяли тебя в долю?* слово *чѣ* в зависимости от коммуникативного намерения говорящего могло реализовывать не только контактоустанавливающую функцию, маркируя начало речевого акта и побуждая собеседника ответить и прокомментировать ситуацию, но и служить эмоциональной оценке создавшегося положения. Здесь мог бы присутствовать оттенок ироничного отношения, насмешки и даже сарказма или, наоборот, сочувствия, а также удивления, недоумения, возмущения и др. Невозможность опереться на интонационные особенности зафиксированного высказывания или комментарии собирателя вынуждает в этом и подобных случаях учитывать и отражать в словарной дефиниции лишь базовые (инвариантные) компоненты толкования. И ср., например, с высказываниями, где отсутствие интонации частично восполняется расширенным контекстом: *Чѣ, и не куришь ли чѣ? В святы ли чѣ записался?* Добавочная ироничная фраза позволяет распознать в частице *чѣ* средство трансляции удивления и доли сомнения в сообщенном (вероятно, как реакции на предшествовавший отказ выпить спиртного).

Специфика диалектно-просторечного слова *чѣ* и сочетаний с ним должна находить корректное отражение в словарях с позиций разных параметров функционирования в роли частицы. Прежде всего следует помнить о том, что атрибутивным и едва ли не «категориальным» свойством частиц является полифункциональность. Необходимо поэтому отражать у частиц проявления признаков других частей речи, отмечать это в зоне грамматических помет («в значении (роли) вводного слова/междометия», для местоимений и союзов – «в значении (роли) частицы»).

Коммуникативную природу этих служебных слов возможно отражать в зоне толкования (например, в формулировке «употребляется для связи значимых частей рассказа, развития речи»), в комментариях к толкованию (например, «...(обычно в начале предложения)»).

Безусловно, в толковании должны находить отражение эмоциональные и смысловые возможности частиц, значительно более богатые, нежели в литературной речи. В силу указанных свойств частиц

при определении оттенков привносимых частицей смыслов ведущими могут стать методы подстановки (субституции, подмены предполагаемым синонимом или эквивалентом) и элиминирования (извлечения частицы из высказывания с целью определения семантических и функциональных вариаций, степени ее коммуникативной автономности). Это находит воплощение в принципах дефинирования, когда совмещаются развернутые толкования и – через точку с запятой – лексические эквиваленты (ср., например, предложенные выше толкования для сочетаний с компонентами *ли, ле, ль*).

Подведем итоги.

1. Частица *чѣ* по своим семантическим, структурным, функциональным, прагматическим особенностям (в терминологии О.И. Блиновой и Томской лингвистической школы – параметрам) тождественна литературному эквиваленту *что* лишь отчасти; в зоне дивергенции этих лексем смысловой и функционально-прагматический диапазон диалектно-просторечного слова *чѣ* шире, чем у литературного слова *что*. Очевидные отличия не позволяют рассматривать лексему *чѣ* в качестве фонетического варианта литературного слова.

2. Следует избегать смешения и конфронтации теоретических подходов. а) Следует урегулировать употребление терминов «сложная»/«составная» частица в пользу последней во избежание смешения терминов морфологии и словообразования. б) По причине отсутствия полной, четкой и непротиворечивой классификации частиц, при лексикографическом описании частицы *чѣ* и сочетаний с ней представляется правомерным отказаться от пометы, уточняющей ее разряд для того или иного ЛСВ. Это позволит избежать конфликта многочисленных альтернативных теорий. Аналогично подходам, реализованным в академических словарях литературного языка, частные характеристики следует отражать косвенно, посредством формулировок ЛСВ («употребляется в вопросительных и восклицательных предложениях», «употребляется для усиления значения» и т.п.). В то же время целесообразно придерживаться определенной логики при структурировании словарной статьи, по возможности располагая контактными группами ЛСВ, направленными на выражение модальных, смысловых, экспрессивно-эмоциональных, коммуникативных значений.

3. Полифункциональность (сочетание признаков разных частей речи) как принципиальную особенность функционирования частиц также необходимо учитывать при дефинировании слова *чѣ*, по возмож-

ности отражая оттенки привносимого им значения и выделяя переходные случаи употребления частицы в роли междометия или вводного слова.

4. Специфика частицы *чё* как средства коммуникативной организации высказывания диктует необходимость тщательного анализа каждого контекста для корректной лексикографической подачи материала. По возможности следует учитывать (а собирателям уточнять) интонационное оформление фразы со словом *чё*, включать максимально широкий контекст, комментарии составителей полевых материалов.

5. Необходимо отражать в толковании оттенки смысла, экспрессивно-эмоциональной оценки, модальности, привносимые частицами в высказывание. Выявлению особенностей употребления частиц способствует применение методов подстановки и элиминирования.

6. Требуется специальное, углубленное рассмотрение сочетаний со словом *чё*, в том числе в роли частицы, что составляет ближайшую перспективу осуществляемой нами исследовательской работы.

7. Таким образом, особенности употребления диалектно-просторечных частиц имеют принципиальный характера, обнаруживаются концептуальные отличия в их функционировании от литературных эквивалентов. Подтверждается озвученная нами ранее идея о необходимости включения диалектно-просторечных слов в корпус диалектных словарей и выработки специальных подходов для корректного лексикографического описания такой лексики в диалектных словарях.

Список источников

1. *Блинова О.И.* Теория → словарь → теория → словарь // Вопросы лексикографии. 2012. № 1. С. 6–26.

2. *Голев Н.Д.* Лексикографирование как метод описания лексики. К теоретическому наследию О.И. Блиновой // Вопросы лексикографии. 2021. № 21. С. 5–32. doi: 10.17223/22274200/21/1

3. *Сметанина З.В.* О втором издании «Областного словаря вятских говоров»: новый взгляд и новые подходы // Вопросы лексикографии. 2022. № 23. С. 31–48. doi: 10.17223/22274200/23/2

4. *Блинова О.И.* Лексика диалекта (с точки зрения ее соотношения с формами национального языка) // Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии / под ред. О.И. Блиновой. Барнаул : [б. и.], 1972. С. 102–109.

5. *Боброва М.В., Колосько Е.В.* Проблемы лексикографического описания диалектно-просторечной лексики в диалектном словаре (на примере слова *чё*) // Вопросы лексикографии. 2020. № 18. С. 5–21. doi: 10.17223/22274200/18/1

6. Боброва М.В., Колосько Е.В. Опыт лексикографического описания диалектно-просторечного слова *чѐ* (че) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2020. СПб. : Изд-во РХГА, 2020. С. 87–107.

7. Боброва М.В., Колосько Е.В. Принципы лексикографического описания слова *чѐ* в диалектном словаре // Севернорусские говоры. 2020. № 19. С. 294–314.

8. Боброва М.В., Колосько Е.В. Союз *чѐ* в русских народных говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2021. СПб. : ИЛИ РАН, 2021. С. 68–79.

9. Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. Т. 1. 789 с.

10. Стародумова Е.А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2002. 292 с.

11. Степанова О.Ю. Сравнительный союз *что* и сравнительная частица *что* на шкале переходности // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. № 2. С. 130–134.

12. Акимова Э.Н. Частицы в русских говорах Мордовии: типы, структура, семантика и функционирование // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010. СПб. : Наука, 2010. С. 226–244.

13. Шимчук Э.Г., Щур М.Г. Словарь русских частиц. Франкфурт-на-Майне : Peter Lang – Europäische Verlagder Wissenschaften, 1999. 147 с.

14. Словарь служебных слов русского языка; отв. ред. Е.А. Стародумова. Владивосток : Изд-во ГУП «Примполиграфкомбинат», 2001. 363 с.

15. Бурцева В.В. Словарь наречий и служебных слов русского языка. М. : Дрофа: Русский язык Медиа, 2010. 750 с.

16. Мызникова Я.В. Особенности функционирования некоторых наречий в архангельских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2012. СПб. : Нестор-История, 2012. С. 209–216.

17. Евтюхин В.Б. Аранжировка диалектных текстов с помощью частиц // Севернорусские говоры. Л. : ЛГУ, 1979. Вып. 3. С. 201–206.

18. Пауфошима Р.Ф. Фонетика слова и фразы в северно-русских говорах. М. : Наука, 1983. 110 с.

19. Бакланова И.И. Об употреблении частиц в диалектном высказывании (на материале пермских говоров) // Проблемы лингвистического краеведения. Пермь : ПГПУ, 2007. С. 16–21.

20. Большой толковый словарь русского языка; сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.

21. Вершининский словарь : в 7 т. ; гл. ред. О.И. Блинова. Т. 7. Томск : Томский гос. ун-т, 2002. 524 с.

22. Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) : в 6 вып. / под ред. Ф.Л. Скитовой. Вып. 6. Пермь : [б. и.], 2011. 312 с.

23. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–99.

24. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М. : Рус. яз., 2001. 719 с.

25. Щербань Г.Е. К вопросу о функциях частицы *А* в современной актуализирующей прозе (на материале произведений С. Довлатова) // Исследовано в России: электронный журнал. 2001. С. 105–114. URL: <http://zhurnal.apelarn.ru/articles/2001/010/pdf> (дата обращения: 19.07.2022).

26. *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. Т. 17. М. ; Л. : Наука, 1965. 2126 стб.

27. Русинова И.И., Бакланова И.И. Особенности функционирования сочетаний *да че да* и *да мый да* в русских пермских говорах и коми-пермяцкой речи // Слово и текст: история, культура, этнос : сб. науч. тр. памяти Л.Я. Петровой. Сыктывкар : Изд-во Сыктывкар. гос. ун-та, 2009. С. 16–22.

28. Русинова И.И., Бакланова И.И. К вопросу о лексикализации сочетаний *да че да* (*да че*), *ли че ли* (*ли че*) и подобных им (на материале пермских говоров) // Проблемы социо- и психолингвистики : сб. ст. Пермь : ПГУ, 2012. Вып. 16. С. 121–134.

29. Боброва М.В. Сочетания типа *ли че ли* в русской и *ли мый ли* в коми-пермяцкой диалектной речи Пермского края // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 3 (23). С. 40–47.

30. Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1979. 605 с.

References

1. Blinova, O.I. (2012) Theory → dictionary → theory → dictionary. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1. pp. 6–26. (In Russian).

2. Golev, N.D. (2021) Lexicographizing as a method of describing vocabulary: revisiting the theoretical legacy of Olga Blinova. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 21. pp. 9–32. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/21/1

3. Smetanina, Z.V. (2022) On the second edition of the Regional Dictionary of Vyatka Dialects: A new look and new approaches. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 23. pp. 31–48. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/23/2

4. Blinova, O.I. (1972) *Leksika dialekta (s tochki zreniya ee sootnosheniya s formami natsional'nogo yazyka)* [Vocabulary of the dialect (in terms of its relation to the forms of the national language)]. In: Blinova, O.I. (ed.) *Leksicheskie i grammaticheskie problemy sibirskoy dialektologii* [Lexical and grammatical problems of Siberian dialectology]. Barnaul: [s.n.]. pp. 102–109.

5. Bobrova, M.V. & Kolos'ko, E.V. (2020) Problems of lexicographic description of dialect and common parlance vocabulary (on the example of the word *chyo*). *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 18. pp. 5–21. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/18/1

6. Bobrova, M.V. & Kolos'ko, E.V. (2020) An attempt at lexicographic description of a dialect-and-vernacular word (*če*, *čo*). *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2020 – Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Researches) 2020*. 14. pp. 87–107. (In Russian).

7. Bobrova, M.V. & Kolos'ko, E.V. (2020) Principles of lexicographic description of the word *chyo* in the dialect dictionary. *Severnorrusskie govory – Northern Russian Dialects*. 19. pp. 294–314. (In Russian).

8. Bobrova, M.V. & Kolos'ko, E.V. (2021) Conjunction *čto* in Russian folk dialects. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2021 – Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Researches) 2021*. 15. pp. 68–79. (In Russian).
9. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka. (In Russian).
10. Starodumova, E.A. (2002) *Chastitsy russkogo yazyka (raznoaspektnoe opisanie)* [Particles of the Russian language (multi-aspect description)]. Vladivostok: Far Eastern Federal University.
11. Stepanova, O.Yu. (2009) The comparative union *chto* and the comparative particle *chto* on the transitivity scale. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova – Vestnik of Nekrasov Kostroma State University*. 2. pp. 130–134. (In Russian).
12. Akimova, E.N. (2010) *Chastitsy v russkikh govorakh Mordovii: tipy, struktura, semantika i funktsionirovanie* [Particles in Russian dialects of Mordovia: types, structure, semantics and functioning]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2010* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Researches) 2010]. Saint Petersburg: Nauka. pp. 226–244.
13. Shimchuk, E.G. & Shchur, M.G. (1999) *Slovar' russkikh chastits* [Dictionary of Russian particles]. Frankfurt am Main: Peter Lang – Europäische Verlagder Wissenschaften.
14. Starodumova, E.A. (ed.) (2001) *Slovar' sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of service words of the Russian language]. Vladivostok: Pimpoligrafkombinat.
15. Burtseva, V.V. (2010) *Slovar' narechiy i sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of adverbs and service words of the Russian language]. Moscow: Drofa, Russkiy yazyk Media.
16. Myznikova, Ya.V. (2012) Osobennosti funktsionirovaniya nekotorykh narechiy v arkhangel'skikh govorakh [Features of the functioning of some adverbs in Arkhangelsk dialects]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2012* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Researches) 2012]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 209–216.
17. Evtyukhin, V.B. (1979) Arranging dialect texts using particles. *Severnorusskie govory – Northern Russian dialects*. 3. pp. 201–206. (In Russian).
18. Paufoshima, R.F. (1983) *Fonetika slova i frazy v severno-russkikh govorakh* [Phonetics of words and phrases in Northern Russian dialects]. Moscow: Nauka.
19. Baklanova, I.I. (2007) Ob upotreblenii chastits v dialektnom vyskazyvanii (na materiale permskikh govorov) [On the use of particles in dialect utterance (based on the material of Perm dialects)]. In: *Problemy lingvisticheskogo kraevedeniya* [Problems of linguistic local lore]. Perm: Perm State Pedagogical University.
20. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg: Norint.
21. Blinova, O.I. (ed.) (2002) *Vershininskiy slovar': v 7-mi t.* [Dictionary of Verzhinino: in 7 vols.] Vol. 7. Tomsk: Tomsk State University.
22. Skitova, F.L. (ed.) (2011) *Slovar' govora d. Akhim Krasnovisherskogo rayona Permskoy oblasti (Akhimskiy slovar')*: v 6-ti vyp. [Dictionary of the dialect of the vil-

lage Akchim of Krasnovishersky district of Perm region (Akchim dictionary): in 6 vols.]. Vol. 6. Perm: [s.n.].

23. Baranov, A.N. & Kreydlin, G.E. (1992). Illocutive compulsion in the structure of the dialogue. *Voprosy yazykoznavaniya – Topics in the Study of Language*. 2. pp. 84–99. (In Russian).

24. Vinogradov, V.V. (2001) *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (Grammatical teaching about the word)]. Moscow: Russkiy yazyk.

25. Shcherban', G.E. (2001) On the functions of the particle A in current actualizing prose (based on the works of S. Dovlatov). *Issledovano v Rossii*. [Online] Available from: <http://zhurnal.apelarn.ru/articles/2001/010/pdf> (Accessed: 19.07.2022).

26. Chernyshev, V.I. (ed.) (1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17-ti t.* [Dictionary of contemporary Russian literary language: in 17 vols]. Vol. 17. Moscow, Leningrad: Nauka. (In Russian).

27. Rusinova, I.I. & Baklanova, I.I. (2009) *Osobennosti funktsionirovaniya sochetaniy da che da i da myy da v russkikh permskikh govorakh i komi-permyatskoy rechi* [Features of functioning of combinations of *da chyo da* and *da myy da* in Russian Perm dialects and Komi-Permian speech]. In: *Slovo i tekst: istoriya, kul'tura, etnos* [Word and text: history, culture, ethnicity]. Collection of Articles. Syktyvkar: Syktyvkar State University. pp. 16–22.

28. Rusinova, I.I. & Baklanova, I.I. (2012) *K voprosu o leksikalizatsii sochetaniy da che da (da che), li che li (li che) i podobnykh im (na materiale permskikh govorov)* [On the lexicalization of combinations of *da chyo da (da chyo)*, *li chyo li (li chyo)* and similar to them (based on the material of Perm dialects)]. In: *Problemy sotsio- i psikholingvistiki* [Problems of socio- and psycholinguistics]. Collection of Articles. Vol. 16. Perm: Perm State University. pp. 121–134.

29. Bobrova, M.V. (2013) Word combinations *li chyo li* in Russian and *li myy li* in Komi-Permian dialect speech of Perm Krai. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 3 (23). pp. 40–47. (In Russian).

30. Fedorov, A.I. (ed.) (1979) *Slovar' russkikh govorov Novosibirskoy oblasti* [Dictionary of Russian dialects of Novosibirsk Oblast]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otделение.

Сведения об авторах:

Боброва Мария Владимировна – канд. филол. наук, доцент, старший научный сотрудник отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: bomaripgu@yandex.ru

Колосько Елена Валентиновна – канд. филол. наук, доцент, старший научный сотрудник отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: evkolosko@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Maria V. Bobrova, Cand. Sci. (Philology), docent, senior research fellow, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: bomaripgu@yandex.ru

Elena V. Kolos'ko, Cand. Sci. (Philology), docent, senior research fellow, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: evkolosko@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.07.2022;
одобрена после рецензирования 23.09.2022; принята к публикации 10.02.2023.*

*The article was submitted 26.07.2022;
approved after reviewing 23.09.2022; accepted for publication 10.02.2023.*

Научная статья

УДК 81'37

doi: 10.17223/22274200/27/2

Семантическое наполнение понятия «популизм» в английском языке (опыт лексикографического и корпусного анализа)

Елена Сергеевна Гриценко¹, Александр Евгеньевич Галочкин²

^{1, 2} *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Нижний Новгород, Россия*

¹ *egritsenko@hse.ru*

² *agalochkin@hse.ru*

Аннотация. Анализируется смысловое наполнение понятия «популизм» в английском языке с использованием методов семантического и корпусно-ориентированного анализа. Материалом для исследования послужили дефиниции и иллюстративные контексты слова *populism* в британских и американском толковых словарях и тексты корпуса современного американского английского языка (COCA). Выявление оценочной тональности (семантической просодии) лексемы *populism* производится на основе анализа коллокатов и кластеров в соответствии с особенностями ее синтаксической репрезентации.

Ключевые слова: лексикография, лингвистическая семантика, корпусные исследования, семантическая просодия, коллокации

Для цитирования: Гриценко Е.С., Галочкин А.Е. Семантическое наполнение понятия «популизм» в английском языке (опыт лексикографического и корпусного анализа) // Вопросы лексикографии. 2023. № 27. С. 29–46.
doi: 10.17223/22274200/27/2

Original article

doi: 10.17223/22274200/27/2

Semantic dimensions of populism in English (dictionary and corpus data analysis)

Elena S. Gritsenko¹, Alexander E. Galochkin²

^{1,2} HSE University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹ egritsenko@hse.ru

² agalochkin@hse.ru

Abstract. The aim of the article is to reveal the semantic content of the concept “populism” in modern English. The need to address this topic is driven by the fact that a significant part of the research is dedicated to the analysis of specific forms of populism or populist parties in the aspect of political science, discourse theory, political rhetoric, and ideology. From the standpoint of linguistics, the content of this concept was practically not considered. The study focuses on various structural components of the definitions and illustrative contexts of the word “populism” in British and American explanatory dictionaries and the texts of the Corpus of Contemporary American English (COCA). Electronic versions of explanatory English dictionaries were used for the analysis: Merriam-Webster Dictionary, Oxford English Dictionary (LEXICO), Cambridge English Dictionary, Collins English Dictionary, and Longman Dictionary of Contemporary English. Definitions, dictionary labels, and illustrative contexts of the words “populism” and “populist” were analyzed. The corpus analysis was carried out on the basis of the Corpus of Contemporary American English (COCA). The semantic content of the concept of populism was revealed by analyzing the collocates and clusters of this lexeme in accordance with the peculiarities of its syntactic representation. The selection of the collocates was carried out on the basis of the MI (mutual information) metric. The results were compared with sort by frequency; matching collocates were selected for analysis. Clusters were allocated within four words to the left or to the right of the node word, the communication distance was medium. The methods of semantic and corpus-oriented analysis, as well as the method of discourse analysis, were used to identify the evaluative tone (semantic prosody) of language units that characterize the ideologeme “populism”. The analysis of dictionary definitions in all considered lexicographical sources showed that the policy of populism is based on antagonism between the elite and the people, the protection of the interests of the people is emphasized as well. In the given examples of the corpus, as well as in the illustrative contexts of the dictionaries, various “types” of populism are mentioned: “traditional” vs. “new”, “good” vs. “bad”, “progressive”, “economic”, “market”, “cultural”. The analysis of the examples showed that both in the function of the semantic object and in the func-

tion of the semantic subject, the lexeme “populism” is used mainly with predicates with negative connotations. Attributive collocations also indicate the negative-evaluative connotation. Based on the conducted research, it can be concluded that populism is an extremely heterogeneous phenomenon that manifests itself both in the political and socio-cultural spheres. Populism is based on the system of binary oppositions built on the confrontation of the people and the elite, with attitudes towards nationalism, protectionism, conservatism, authoritarianism, nativism (opposition to immigration), and racism.

Keywords: lexicography, linguistic semantics, corpus studies, semantic prosody, collocations

For citation: Gritsenko, E.S. & Galochkin, A.E. (2023) Semantic dimensions of populism in English (dictionary and corpus data analysis). *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 27. pp. 29–46. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/27/2

Введение

Активизация популистского движения – одна из характерных особенностей политического ландшафта многих государств. Популистские акторы чрезвычайно успешны в современном мире, а популистские партии приобретают все большее влияние в обществе. По данным зарубежных исследований, в 2020 г. у власти оказалось в три раза больше политиков-популистов, чем в начале 2000-х [1]. В период с 2015 по 2017 г. число упоминаний слов «популист» и «популизм» в газете New York Times увеличилось почти в четыре раза [2]. В 2017 г. на фоне резкого роста внимания средств массовой информации к данному феномену авторитетный британский словарь Cambridge Advanced Learner’s Dictionary объявил популизм «словом года»¹.

Причины роста поддержки популизма носят комплексный характер. К числу наиболее распространенных относят экономический и политический кризис [3, 4], этнокультурную и гендерную дискриминацию [5–7].

Особое внимание отечественных и зарубежных исследователей к теме популизма связано с рядом крупных политических событий: рост влияния Партии независимости Соединенного Королевства

¹ Cambridge Dictionary’s Word of the Year 2017 (блог онлайн-словаря Cambridge Advanced Learner’s Dictionary). URL: <https://dictionaryblog.cambridge.org/2017/11/29/cambridge-dictionary-word-of-the-year-2017/#:~:text=Our%20Word%20of%20the%20Year,populism> (дата обращения: 10.01.2022).

(UKIP) и итоги референдума по выходу Британии из ЕС (Brexit); победа Дональда Трампа на президентских выборах в США и второе место Марин Ле Пен на президентских выборах во Франции; вхождение (ультра)правых в коалиционные правительства Австрии, Италии, Польши, Финляндии и Венгрии и успех правых партий в Германии, Нидерландах, Швейцарии и Швеции.

В зарубежных политических исследованиях популизм трактуют как набор идей или некую идеологию «с разреженным или тонким центром» (thin ideology), в рамках которой социум расколот на две антагонистические группы – «незапятанный народ» (pure people) и «коррупцированная элита» (corrupted elite), а популистская политика претендует на выражение воли народа [8–10].

В аналогичном ключе трактуют популизм и ряд российских ученых. Г.П. Мусихин [11], например, рассматривает популизм как «фрагментарную идеологию» через призму «столкновения антагонистических дискурсов элиты и общества». Г.И. Вайнштейн также выдвигает на первый план идеологический компонент популистских партий и предлагает собственные классификации «правых» и «левых» популистских партий [12].

Несколько иное понимание популизма представлено в работах Курта Вейланда [13], который определяет популизм как политическую стратегию, используемую харизматичным лидером в борьбе за государственную власть с опорой на прямую (не институциональную) поддержку большого числа последователей/сторонников из народа. Разделяя идеи К. Вейланда, П. Тэггарт [14] полагает, что популизм как политическая стратегия особенно эффективен в кризисных ситуациях, когда общество наиболее подвержено воздействию в форме внушения.

Эрнесто Лаклау характеризует политический дискурс в терминах (пост)структуралистской теории и определяет популизм как политическую логику дискурсивной артикуляции [3]. Для Лаклау популизм является «попыткой формирования универсальных символов, объединяющих частные требования в моменте антагонизма, конфронтации» [3. С. 94]. Данная теория исходит из постулата о том, что дискурс формирует социальный мир с помощью значений.

Б. Моффитт и С. Торми трактуют популизм как политический стиль, в котором перформативные практики определяют и формируют отношения между популистскими лидерами и их сторонниками

[15]. В данной концепции лидер позиционируется как исполнитель (performer), народ – как аудитория (audience), а кризисная ситуация и СМИ – как сцена (stage) для реализации политики популизма. Особое внимание уделяется поведению политика-популиста в медиатизированную эпоху. Заручившись поддержкой народа, лидер-популист стремится настроить его против элиты с помощью «риторики бедствия», акцентирующей неизбежность кризиса и упадок правящей элиты. При этом в речевых практиках популисты часто игнорируют правила речевого этикета, прибегают к использованию сленга и пейоративной лексики, намеренно отказываясь от политкорректности и выбирают способ общения, который Б. Моффитт и С. Торми называют «плохие манеры» (bad manners).

Несмотря на большое число работ, посвященных данному феномену, специалисты отмечают недостаточную полноту и четкость определения понятия «популизм» и соответствующего термина [16]. Значительная часть исследований посвящена анализу конкретных форм популизма или популистских партий в аспекте политологии, теории дискурса, политической риторики и идеологии [8]. С позиций лингвистики содержание данного понятия практически не рассматривалось.

В настоящей работе предпринята попытка раскрыть смысловое наполнение понятия «популизм» в современном английском языке с использованием авторитетных толковых словарей и корпусного анализа.

Материал и методы исследования

Для проведения исследования были использованы электронные версии толковых словарей английского языка: Merriam-Webster Dictionary [17], Oxford English Dictionary (LEXICO) [18], Cambridge English Dictionary [19], Collins English Dictionary [20] и Longman Dictionary of Contemporary English [21]. Анализировались дефиниции, словарные пометы и иллюстративные контексты слов *populism* и *populist*.

Корпусный анализ проводился на основе корпуса современного американского английского языка Corpus of Contemporary American English (COCA) [22]. Он является самым крупным условно бесплатным корпусом английского языка и имеет определенные преимущества перед другими корпусами с точки зрения изучения лексики [23]. Корпус содержит 485 202 текста, в том числе транскрипты устной речи, что повышает достоверность выводов о значении и дискурсив-

ных особенностях языковых единиц. СОСА не требует дополнительного лингвистического инструментария для проведения анализа. Тексты классифицированы по дате публикации, что позволяет наблюдать изменения американского английского языка, начиная с 1990 г.

Смысловое наполнение понятия *populism* выявлялось путем анализа коллокатов и кластеров данной лексемы в соответствии с особенностями ее синтаксической репрезентации [24]. Отбор коллокатов осуществлялся на основе метрики MI (mutual information). Коэффициент MI позволяет оценивать силу ассоциативной связи внутри сочетания слов (между анализируемой лексемой и её соседом) на основе соотношения частоты встречаемости. Во вкладке дополнительных параметров (Advanced Options) было установлено пороговое значение (frequency thresholds) 5. Полученные результаты сопоставлялись с сортировкой по частотности (sort by frequency): для анализа отбирались совпадающие коллокаты. Кластеры выделялись в пределах четырех слов слева или справа от узлового слова (node word); расстояние связи – среднее (limit: medium).

Наряду с методами семантического и корпусно-ориентированного анализа в работе также использовался метод дискурс-анализа для выявления оценочной тональности (семантической просодии) языковых единиц, характеризующих идеологему *populism*.

Анализ собранного материала

На первом этапе исследования были проанализированы словарные дефиниции лексемы *populism*.

В Oxford English Dictionary (LEXICO) выделяются три значения анализируемого слова¹:

- 1) *a political approach that strives to appeal to ordinary people who feel that their concerns are disregarded by established elite groups* (политический подход, ориентированный на простых людей, которые считают, что их интересы игнорируются существующими элитами);
- 2) *support for populist politicians or policies* (поддержка политиков-популистов или популистской политики);
- 3) *the quality of appealing to or being aimed at ordinary people* (апелляция к «простым людям», нацеленность на «народ»).

¹ Дефиниция существительного *populism* (онлайн-словарь Oxford Learner's Dictionary). URL: <https://www.lexico.com/definition/populism> (дата обращения: 20.01.2022).

Collins English Dictionary также трактует понятие «популизм» через отношение к политической деятельности или идеям, претендующим на продвижение интересов и мнений простых людей (*refers to political activities or ideas that claim to promote the interests and opinions of ordinary people*¹).

Аналогичным образом определяется политика популизма и в словаре Longman Dictionary of Contemporary English: *...relating to or representing ordinary people, rather than rich or very highly educated people*² (относящаяся к обычным людям или представляющая интересы простого народа, а не богатых или высокообразованных членов общества).

Cambridge English Dictionary определяет populism как «политические идеи и деятельность, направленные на получение поддержки простых людей путем предоставления им того, что они хотят» (*political ideas and activities that are intended to get the support of ordinary people by giving them what they want*³). В данном словаре приводятся также многочисленные примеры из Cambridge English Corpus, более подробно раскрывающие значение анализируемого слова. Из них, в частности, следует, что популизм — это динамичное и неоднородное явление, популярность которого может нарастать и угасать (*As the executive tried to buy support in congress and the politicians tried to buy a new electorate, populism was reborn and corruption spread unimpeded; If the populism of his earlier labor radicalism was gone, his suspicion of capitalist power in alliance with a centralized state remained*); при этом наряду с «традиционным» или «классическим» популизмом в примерах упоминается так называемый новый популизм или «неопопулизм» (*Some political scientists labelled as 'neopopulism' the newer variant of populism in the context of globalisation and widespread acceptance of neoliberal policies*). В анализируемых словарях лексема

¹ Дефиниция существительного populism (онлайн-словарь Collins English Dictionary). URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/populism> (дата обращения: 20.01.2022).

² Дефиниция существительного populism (онлайн-словарь Longman Dictionary of Contemporary English). URL: https://www.ldoceonline.com/dictionary/populism#populist__3 (дата обращения: 20.01.2022).

³ Дефиниция существительного populism (онлайн-словарь Cambridge English Dictionary). URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/populism> (дата обращения: 20.01.2022).

neopopulism не регистрируется, однако Collins English Dictionary¹ дает дефиницию слова *neopopulist*: *pertaining to a revival of populism, esp. a sophisticated form appealing to commonplace values and prejudices*. В научной литературе подчеркивается, что новый популизм характеризуется апелляцией к принципам национального суверенитета и национальной идентичности и использованием новых информационно-коммуникативных технологий [25].

В словаре Merriam-Webster Dictionary лексема *populism* не представлена, однако зарегистрировано однокоренное слово *populist*, акцентирующее те же ключевые смыслы²:

1) *a member of a political party claiming to represent the common people* (член политической партии, претендующей на представительство простых людей);

2) *a believer in the rights, wisdom, or virtues of the common people* (верящий в права, мудрость или добродетель простых людей).

Как видим, во всех рассмотренных лексикографических источниках указывается, что в основе политики популизма лежит антагонизм между элитой и народом (*representing ordinary people, rather than rich; appeal to ordinary people who feel that their concerns are disregarded by established elite groups*), а также акцентируется установка на защиту интересов народа (*the support of ordinary people by giving them what they want; to promote the interests and opinions of ordinary people*).

Таким образом, анализ словарных дефиниций позволяет выделить следующие прототипические компоненты значения лексемы *populism*: (1) политическое направление, (2) апелляция к определенной аудитории (народ), (3) антагонизм между народом и элитой.

Для того, чтобы более подробно раскрыть смысловое наполнение понятия *populism*, обратимся к данным корпуса СОСА, где за период с 1990 г. данная лексическая единица была использована в 18 628 контекстах.

По данным СОСА, пик использования слова *populism* приходится на период с 2015 по 2019 г., что совпадает с началом президентской кампании Дональда Трампа [26] и его последующим президентством

¹ Дефиниция существительного *neopopulist* (онлайн-словарь Collins English Dictionary). URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/neopopulist> (дата обращения: 08.10.2022).

² Дефиниция существительного *populist* (онлайн-словарь Merriam-Webster). URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/populist> (дата обращения: 21.01.2022).

(рис. 1). Поскольку корпус и разделы корпуса имеют несбалансированный объем текстов, для сравнения использовалась нормализованная частотность (normalized frequency), т.е. количество вхождений на миллион слов.

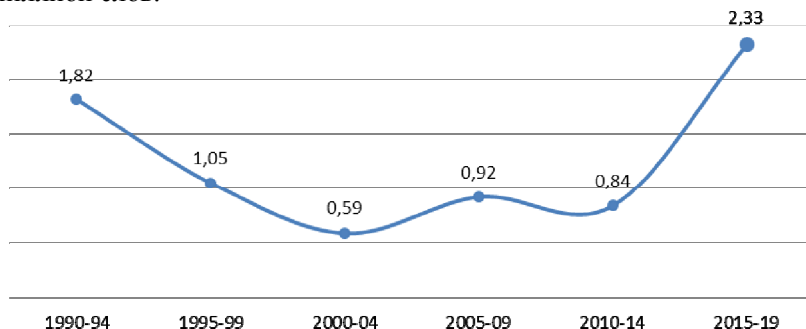

Рис. 1. Динамика употребления лексемы *populism*

Наибольшее количество употреблений слова *populism* в СОСА относится к медиасфере (75,04%), в том числе: журналы (24,02%), интервью, выступления (16,68%), новостные сообщения (14,5%), блоги (11,09%), веб-страницы (7,86%), телевидение (0,44%). Кроме того, данная лексема широко представлена в научных текстах (24,96%), что подтверждает интерес исследователей к анализируемому феномену. Фиксируются также случаи употребления лексемы *populism* в художественных текстах, однако их доля незначительна (рис. 2).

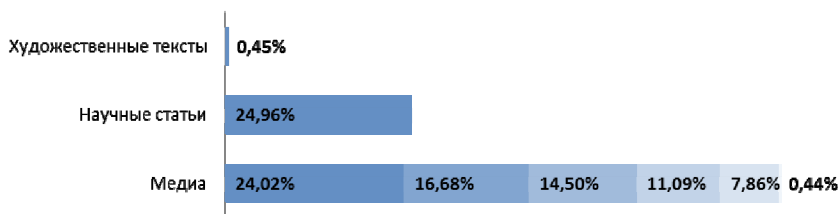

Рис. 2. Частотность употребления лексической единицы *populism* 1990–2019 гг.

Зафиксированные в корпусе примеры позволяют глубже раскрыть содержание рассматриваемого понятия, поскольку диапазон значения данной лексической единицы в текстах корпуса существенно шире и разнообразнее, чем в словарях. В приведенных примерах, как и в ил-

люстративных контекстах словарей, упоминаются различные виды популизма: «традиционный» vs «новый», «хороший» vs «плохой», «прогрессивный», «экономический», «рыночный», «культурный».

Для анализа лексемы *populism* в функции семантического субъекта и объекта были использованы примеры, имеющие наиболее высокие показатели устойчивости и силы связи между элементами (отбирались коллокации с коэффициентом взаимной встречаемости выше 3 ($MI > 3$)¹. В отобранных примерах в функции семантического объекта *populism* используется со следующими предикатами:

– **fear:** *Some moderate Democrats fear her economic populism is a dead end for the party* (ABC: This Week);

– **(be) afraid of:** *They are very afraid of populism with Trump at its head* (The Royal Gazette); *The leftwing parties are afraid of populism, and in this moment, they're not presenting a clear vision for migration policy* (Financial Times);

– **promote:** *The only way to save democracy is to promote a 'progressive populism'* (blogs.lse.ac.uk);

– **define:** *'We the people': the battle to define populism; ...old theories of populism that defined it (populism) specifically as rightwing, racist or anti-immigrant* (The Guardian);

– **fight:** *"good populism" is both empirically and normatively the wrong strategy to fight "bad populism"* (The Guardian);

– **surrender:** *The core problem afflicting the right – and to a great degree, the country – is the elite surrender to populism* (Los Angeles Times);

– **accuse:** *His opponents accuse him of populism, authoritarianism and plans that will wreck Peru's economy* (NPR_Saturday).

Семантика предикатов помогает раскрыть семантическую просодию анализируемого феномена как «постоянную ауру значения, которым коллокации пропитывают речевую единицу» [27].

Fear и (be) afraid of – это предикаты эмоционального состояния, несущие сему отрицательной оценки, которая входит в значение данных глаголов в составе пресуппозиции: оппоненты в лице левых политиков и партий испытывают чувство страха перед правым популизмом.

Предикат fight – глагол социативного действия (противодействия) указывает на процесс, сопровождающийся преодолением противосто-

¹ Если мера $MI > 3$, то коллокация считается высокоустойчивой (сочетание является статистически значимым), если > 1 , то просто устойчивой, если ~ 0 , то случайной.

яния в политике. При этом «хороший» (good) популизм не рассматривается как альтернатива «плохому» (bad) популизму, а тоже позиционируется как нежелательное явление.

Предикат *surrender* можно соотнести с глаголами победы и поражения: в примерах корпуса он используется в значении «потерпеть поражение».

Promote относится к глаголам влияния с типовой семантикой побуждения к чему-либо для достижения нужного результата. В данном случае имеется в виду продвижение «прогрессивного» популизма.

Предикат *accuse* относится к глаголам речевого воздействия с типовой семантикой морального осуждения и используется для предъявления обвинений политикам-популистам, осуждения их деятельности.

Предикат *define* относится к глаголам интеллектуальной деятельности (определения), имеющим целью дать положительную / отрицательную оценку объекту. Как видно из приведенных примеров, оценка популизма в основном носит негативный характер.

В функции семантического субъекта *populism* используется с глаголами иной смысловой направленности:

- **spread:** *...a new populism is spreading through the country* (Forbes), *Populism is spreading across the continent but has different characteristics by region* (The Guardian);

- **threaten:** *Populism threatens democracy, but is it also essential to it?* (The Wire);

- **associate:** *Nationalist populism associated moral and national authenticity with the traditional, rural peasant...* (LatinAmResRev);

- **emerge:** *...populism is emerging in politics right now. You saw Brexit and you saw Trump...* (Business Insider), *...populism emerged as an electoral force in Europe* (The Guardian);

- **reinforce:** *As should by now be painfully clear, technocracy and populism are mutually reinforcing* (FP);

- **thrive:** *Populism thrives where mainstream parties are in crisis* (M. Roberts);

- **aim:** *...cheap populism aimed at stealing the thunder of nationalist groups who are now in opposition to his regime* (CSMonitor).

Предикат *spread* относится к изменениям количественного признака (в значении «расширять границы»). К предикатам изменения количественного признака можно отнести и глагол *reinforce* со значением укрепления власти. Глагол *threaten* входит в группу предикатов воз-

действия с типовой семантикой утешения. Предикат каузации начала существования *emerge* указывает на активную фазу развития популизма. Глаголы *thrive* и *aim* относятся, соответственно, к предикатам динамичного роста и деятельности по достижению цели и подчеркивают успехи популистов в политической борьбе.

Предикаты, используемые со словом *populism* в функции семантического субъекта, нередко употребляются в форме настоящего длительного времени (*is emerging, is spreading, are reinforcing*), чтобы подчеркнуть масштабность описываемых процессов.

Анализ атрибутивных коллокаций со словом *populism* позволяет выделить ряд его дополнительных характеристик [28].

По охвату *populism* может быть widespread: *They hold more sympathy with America's revolutionary tradition and see a more widespread populism in its works of literature* (AmerStudies); global: *...to discuss the effects of Donald Trump's defeat in the 2020 United States presidential election on global populism* (The Harvard Crimson), *Global populism: Big promises, poor pandemic results* (CSMonitor).

По интенсивности и силе проявления – rising: *independent unions surfacing across the landscape and strikes starting every day, symbolizes a rising populism in a time of economic crisis* (CSMonitor), growing: *...which showed growing concern of threats to European unity at a time of Brexit and growing populism* (The Guardian).

По эмоционально-психологическим свойствам – dangerous: *there is also the consciously ideological attempt to discredit as "dangerous populism" what might in fact be perfectly legitimate criticism of the powers-that-be* (DemocracyJournal), *...the mean between the antipolitical elitism of intellectuals and an irresponsible and potentially dangerous populism* (PerspPolSci); ugly: *Ugly populism is not an argument against democracy – in America or Hong Kong* (SCMP); cynical: *Before you trot out your cynical market populism, let me say something. Democracy's not just about customer satisfaction* (FantasySciFi), irresponsible: *...and the country would embark on a path of irresponsible populism* (NYTimes).

По морально-этическим качествам – evil: *Without this new political impetus, an evil populism – that has already led to our quasi-annihilation – will overcome* (Euractiv); phony: *But fundamentally, you've seen a President with his phony populism, as I said, where the White House looks like a retreat for Wall Street executives...* (ABC: This Week), *...it never pushes people down in order to lift others up, that's the phony*

populism of Donald Trump (ABC: This Week), the traditional print and broadcast media often serve as megaphones of phony populism (truthdig.com); (white) racial: The Right's logic of white racial populism over the last half century pitted an honest, hard-working "Middle America" (coreyrobin.com), They rue the frequent use of racial populism to legitimate policies that are, in their eyes, detrimental to the working class (AfricaToday).

По участию субъекта – Trump: *J.D. Vance's Twitter trolling of New York City is Trump populism at its most cynical (NBC News), I'm in the camp that believes that this Trump populism thing is not really a meaningful, ideological movement in the Republican Party (CBS: Face The Nation).*

По политико-идеологическим проявлениям – right-wing: *landscapes of abandonment and degradation that fueled the rise of right-wing populism and ultra-nationalism (Salon), the kind of white identity politics that has taken the form of right-wing populism results from two threats (Foreign Affairs), Trump's right-wing populism was triumphant, first in the Republican primaries and then in the general election (Huffington Post), left-wing: there has been no great upsurge of left-wing American populism in response (ForeignAffairs), Left-wing populism is dyadic and champions "the people against an elite or establishment" (Huffington Post), nationalist: Trump's brand of nationalist populism won the day in the economically hard hit areas of Pennsylvania (New York Post), authoritarian: Trump's authoritarian populism and their equally authoritarian anti-statism is going to be a prolonged one in this administration (Huffington Post), working-class: While Dole offers comfort food, Buchanan dishes up a red meat stew of working-class populism and cultural warfare (CBS_SunMorn); middle-class: Here in Iowa, affordable health care is at the center of the middle-class populism most Democrats are advancing in campaign commercials and on the stump (NYTimes)*

По ощущаемой принадлежности к определенному этносу или нации (национальной идентичности) – American: *Nor do Democrats understand that American populism is not simply economic. It is cultural (Washington Times), This new American populism is why the federal deficit has emerged as a chief concern for voters (NYTimes), Latin-American: Why doesn't Latin-American populism fly in bad times, as it did in Italy? (voxeu.org), Western: Western populism may be entering something like its awkward teenage years – able to borrow the car but not own it (NYTimes).*

Принимая во внимание частотность в пределах четырех слов (слева или справа) от «узлового слова» (node word), лексема *populism* сочетается по принципу дополнительности с такими словами, как

– nationalism: *In recent years, however, a wave of nationalism and populism – which have included exhausting negotiations* (Mother Jones), *“Suicide of the West: How the Rebirth of Nationalism, Populism and Identity Politics is Destroying American Democracy...”* (CBS_FaceNation);

– racism: *Populism and racism have been used in presidential campaigns for decades* (Business Insider); *...once called the platform of the alt-right, a fringe conservative group that mixes populism, white nationalism and racism* (PBS Newshour);

– protectionism: *“Make America Great Again” slogan brilliantly amalgamated these disparate elements of populism, nationalism, and protectionism* (NYTimes);

– elitism: *the distinction between populism and elitism is further subdivided into cultural and economic populism and elitism* (Commentary), *it will increase the tension between elitism and populism that’s marked American conservatism from the beginning* (CSMonitor);

– conservatism: *a mixture of economic populism and social conservatism makes absolute sense because that’s where their lives are* (ABC: This Week);

– nativism: *Some combination of, you know, economic populism and nativism, frankly* (CBS: Face the Nation).

Возвращаясь к идее семантической просодии, отметим, что анализируемое слово может приобретать негативное или позитивное звучание в результате употребления с единицами, имеющими соответствующую коннотацию [29]. Проблема заключается в том, что не все случаи использования единицы в корпусе могут давать четкую просодию. В случае с *populism*, однако, определение семантической просодии не представляет трудности, поскольку, как видно из приведенных примеров, данная лексема используется преимущественно с коллокациями, имеющими отрицательную коннотацию, и практически не встречается с положительно окрашенными коллокациями.

Заключение

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что в англоязычной картине мира популизм неоднороден и имеет не только политическое, но также экономическое и социокультурное измерения. В основе популизма как широко распространенного («глобального») и

динамично развивающегося явления лежит система бинарных оппозиций, построенная на противопоставлении народа и элиты. Ему приписываются установки на национализм, протекционизм, консерватизм, авторитаризм, нативизм (оппозиция иммиграции) и расизм. В академической и медийной среде популизм позиционируется как нежелательное и опасное («угрожающее демократии») явление, представленное преимущественно (но не исключительно) правыми партиями и политиками.

Список источников

1. Kyle J., Meyer B. High Tide? Populism in Power, 1990–2020 // Tony Blair Institute for Global Change. 2020. URL: <https://institute.global/sites/default/files/2020-02/High%20Tide%20Populism%20in%20Power%201990-2020.pdf> (дата обращения: 26.12.2021).
2. Rooduijn M. State of the field: How to study populism and adjacent topics? A plea for both more and less focus // European Journal of Political Research. 2011. Vol. 58, № 1. P. 362–372. doi: 10.1111/1475-6765.12314
3. Laclau E. On populist reason. Verso, 2005. 252 p.
4. Moffitt B. How to Perform Crisis: A Model for Understanding the Key Role of Crisis in Contemporary Populism // Government and Opposition. 2015. Vol. 50, № 2. P. 189–217. doi: 10.1017/gov.2014.13
5. Inglehart R., Norris P. Rising Tide: Gender equality and cultural change around the world. N.Y.: Cambridge University Press, 2003. 239 p.
6. Givens T.E. The radical right gender gap // Comparative Political Studies. 2004. Vol. 37, № 1. P. 30–54.
7. Mudde C. The single-issue party thesis: Extreme right parties and the immigration issue // West European Politics. 1999. Vol. 22, № 3. P. 182–197.
8. Mudde C. The populist zeitgeist // Government and opposition. 2004. Vol. 39, № 4. P. 541–563.
9. Hawkins K. A. et al. (ed.). The ideational approach to populism: Concept, theory, and analysis. Routledge, 2018. 468 p.
10. Mudde C., Kaltwasser C.R. Populism: A very short introduction. Oxford University Press, 2017. 136 p.
11. Мусихин Г.И. Популизм: структурная характеристика политики или «ущербная идеология»? // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2009. № 4. С. 40–53.
12. Вайнштейн Г.И. Современный популизм как объект политологического анализа // Polis: Journal of Political Studies. 2017. № 4. С. 69–89. doi: 10.17976/jpps/2017.04.06
13. Weyland K. Clarifying a contested concept: Populism in the study of Latin American politics // Comparative politics. 2001. P. 1–22.
14. Taggart P. A. et al. Populism. Buckingham PA: Open University Press, 2000.

15. *Moffitt B., Tormey S.* Rethinking populism: Politics, mediatization and political style // *Political studies*. 2014. Vol. 62, № 2. P. 381–397.
16. *Kavada A.* Media and the 'populist moment' // *Media, Culture & Society*. 2018. Vol. 40, № 5. P. 742–744.
17. *Merriam-Webster* dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 21.01.2022).
18. *Oxford English Dictionary*. Lexico. URL: https://www.lexico.com/definition/oxford_english_dictionary (дата обращения: 20.01.2022).
19. *Cambridge advanced learner's dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (дата обращения: 20.01.2022).
20. *Collins Online Dictionary*. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 20.01.2022).
21. *Longman Dictionary of Contemporary English*. LDOCE. URL: https://www.ldoceonline.com/dictionary/populism#populist_3 (дата обращения: 20.01.2022).
22. *The Corpus of Contemporary American English*. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 14.02.2022).
23. *Liang M.C.* Mini-text and its application in foreign language teaching // *Media in Foreign Language Instruction*. 2009. № 3. P. 8–12.
24. *Egbert J., Baker P.* (eds.). *Using corpus methods to triangulate linguistic analysis*. Routledge, 2019.
25. *Сизачев М.И., Слепцов Э.С., Фадеев Э.В.* Новый правый популизм: тенденции и перспективы на примере ряда европейских государств (Италии, Франции, Германии, Австрии) // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2020. Т. 22, № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-pravyy-populizm-tendentsii-i-perspektivy-na-primere-ryada-evropeyskih-gosudarstv-italii-frantsii-germanii-avstrii> (дата обращения: 09.10.2022).
26. *Here's Donald Trump's Presidential Announcement Speech*. TIME USA. LLC. 2015. URL: <https://time.com/3923128/donald-trump-announcement-speech/> (дата обращения: 21.02.2022)
27. *Некрасова О.А.* Лингвистические коллокации английского языка и факторы, влияющие на процесс их образования // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2017. № 5. С. 120–132.
28. *Бочкарев А.Е.* Об удивлении как лингвоспецифичном концепте русского языка // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2018. Т. 16, № 2. С. 90–100.
29. *Fuqua J.* Semantic Prosody: The phenomenon of «prosody» in lexical patterning // *The Journal of Language Learning and Teaching*. 2014. Vol. 4, № 2. P. 76–83.

References

1. Kyle, J. & Meyer, B. (2020) High tide? Populism in power, 1990–2020. *Tony Blair Institute for Global Change*. [Online] Available from: <https://institute.global/sites/default/files/202002/High%20Tide%20Populism%20in%20Power%201990-2020.pdf> (Accessed: 26.12.2021).

2. Rooduijn, M. (2019) State of the field: How to study populism and adjacent topics? A plea for both more and less focus. *European Journal of Political Research*. 58 (1). pp. 362–372. doi: 10.1111/1475-6765.12314
3. Laclau, E. (2005) *On populist reason*. Verso.
4. Moffitt, B. (2015) How to perform crisis: A model for understanding the key role of crisis in contemporary populism. *Government and Opposition*. 50 (2). pp. 189–217. doi: 10.1017/gov.2014.13
5. Inglehart, R., Norris, P. & Ronald, I. (2003) *Rising tide: Gender equality and cultural change around the world*. Cambridge University Press.
6. Givens, T.E. (2004) The radical right gender gap. *Comparative Political Studies*. 37 (1). pp. 30–54.
7. Mudde, C. (1999) The single-issue party thesis: Extreme right parties and the immigration issue. *West European Politics*. 22 (3). pp. 182–197.
8. Mudde, C. (2004) The populist zeitgeist. *Government and opposition*. 39 (4). pp. 541–563.
9. Hawkins, K.A., Carlin, R.E., Littvay, L. & Kaltwasser, C.R. (eds). (2018) *The ideational approach to populism: Concept, theory, and analysis*. Routledge.
10. Mudde, C. & Kaltwasser, C.R. (2017) *Populism: A very short introduction*. Oxford University Press.
11. Musikhin, G.I. (2009) Популизм: структурная характеристика политики или “ushcherbnaya ideologiya”? [Populism: A Structural Characteristic of Politics or a “Defective Ideology”?]. *Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz*. 4. pp. 40–53.
12. Weinstein, G.I. (2017) Modern populism as an object of political analysis. *Polis: Journal of Political Studies*. 4. pp. 69–89. (In Russian). doi: 10.17976/jpps/2017.04.06
13. Weyland, K. (2001) Clarifying a contested concept: Populism in the study of Latin American politics. *Comparative Politics*. 34 (1), pp. 1–22.
14. Taggart, P. A. (2000) *Populism*. Open University Press.
15. Moffitt, B. & Tormey, S. (2014) Rethinking populism: Politics, mediatization and political style. *Political Studies*. 62 (2). pp. 381–397.
16. Kavada, A. (2018) Media and the ‘populist moment’. *Media, Culture & Society*. 40 (5). pp. 742–744.
17. *Merriam-Webster Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.merriam-webster.com> (Accessed: 21.01.2022).
18. Lexico. (2022) *Oxford English Dictionary*. [Online] Available from: https://www.lexico.com/definition/oxford_english_dictionary (Accessed: 20.01.2022).
19. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (Accessed: 20.01.2022).
20. *Collins Online Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.collinsdictionary.com> (Accessed: 20.01.2022).
21. *Longman Dictionary of Contemporary English. LDOCE*. [Online] Available from: https://www.ldoceonline.com/dictionary/populism#populist_3 (Accessed: 20.01.2022).
22. *The Corpus of Contemporary American English*. [Online] Available from: <https://www.english-corpora.org/coca/> (Accessed: 14.02.2022).
23. Liang, M.C. (2009) Mini-text and its application in foreign language teaching. *Media in Foreign Language Instruction*. 3. pp. 8–12.

24. Egbert, J., & Baker, P. (eds). (2019) *Using corpus methods to triangulate linguistic analysis*. Routledge.

25. Sigachev, M.I., Sleptsov, E.S. & Fadeev, E.V. (2020) New right-wing populism: Tendencies and prospects on the example of some European states (Italy, France, Germany, Austria). *Vestnik RUDN. Seriya: POLITOLOGIYA – RUDN Journal of Political Science*. 22 (3). pp. 458–474. (In Russian).

26. Time. (2015) *Here's Donald Trump's Presidential Announcement Speech*. [Online] Available from: <https://time.com/3923128/donald-trump-announcement-speech/> (Accessed: 21.02.2022)

27. Nekrasova, O.A. (2017) Factors Influencing the Process of English Linguistic Collocations. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*. 5. pp. 120–132. (In Russian). doi: 10.18384/2310-712X-2017-5-120-132

28. Bochkarev, A.E. (2018) About surprise as a linguo-specific concept of the Russian language. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya – Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 16 (2). pp. 90–100. (In Russian).

29. Fuqua, J. (2014) Semantic Prosody: The phenomenon of “prosody” in lexical patterning. *The Journal of Language Learning and Teaching*, 4 (2), pp. 76–83.

Информация об авторах:

Гриценко Елена Сергеевна – д-р филологических наук, профессор, руководитель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия). E-mail: egritsenko@hse.ru

Галочкин Александр Евгеньевич – аспирант факультета гуманитарных наук, департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия). E-mail: agalochkin@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Elena S. Gritsenko, Dr. Sci. (Philology), professor, head of the School of Foreign Languages, HSE University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: egritsenko@hse.ru

Alexander E. Galochkin, postgraduate student, HSE University (Nizhny Novgorod, Russia). E-mail: agalochkin@hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.05.2022;
одобрена после рецензирования 24.10.2022; принята к публикации 10.02.2023.*

*The article was submitted 24.05.2022;
approved after reviewing 24.10.2022; accepted for publication 10.02.2023.*

Научная статья

УДК 81'33

doi: 10.17223/22274200/27/3

Фразеографический потенциал «Большого универсального словаря русского языка»

Золотых Лидия Глебовна¹, Барышникова Елена Николаевна²,
Космачёва Ольга Юрьевна³

¹ Институт иностранных языков Сычуаньского университета, Чэнду, КНР

² Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

³ Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,
Астрахань, Россия

¹ zolotyhlg@yandex.ru

² baryshnikova-en@rudn.ru

³ olga_ast@list.ru

Аннотация. Представлены результаты изучения фразеологического параметра толкового словаря в бумажном формате, интерпретирующего фразеологическую ценность заголовочного слова. В качестве объекта исследования выделена фразеологическая зона. Описание особенностей репрезентативности заголовочного слова как ключевого структурно-семантического компонента фразеологической зоны направлено на определение научно-исследовательского потенциала фразеографического массива «Большого универсального словаря русского языка».

Ключевые слова: фразеологическая зона, фразеологическая единица (ФЕ), заголовочное слово, фразеографирование, репрезентативность, универсальный

Для цитирования: Золотых Л.Г., Барышникова Е.Н., Космачёва О.Ю. Фразеографический потенциал «Большого универсального словаря русского языка» // Вопросы лексикографии. 2023. № 27. С. 47–68. doi: 10.17223/22274200/27/3

Original article

doi: 10.17223/22274200/27/3

Phraseographic potential of the Big Universal Dictionary of the Russian Language

Lidiia G. Zolotykh¹, Elena N. Baryshnikova², Olga Yu. Kosmacheva³

¹ Sichuan University, Chengdu, China

² RUDN University, Moscow, Russian Federation

³ Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russian Federation

¹ zolotyhlg@yandex.ru

² baryshnikova-en@rudn.ru

³ olga_ast@list.ru

Abstract. The article presents the results of a study of the phraseological parameter of the *Big Universal Dictionary of the Russian Language* (V.V. Morkovkin, G.F. Bogacheva, N.M. Lutsкая, 2016) in paper format. Phraseological units (henceforth PUs) as the content of the phraseological zone marked in the structure of the dictionary entry by a rhombus (◊) served as the basis for the study. The aim is to reveal features of the headword representativeness as a key structural-semantic component of the phraseological zone and determine the research potential of the phraseological array of the Dictionary. A wide projection of phraseography is one of the characteristics of the Dictionary's universality. The phraseological zones of the Dictionary are represented as PUs with different degrees of idiomaticity, as well as nominative and communicative units with the capacity for reproducibility in an unchanged composition. This approach is justified by the expansion of the phraseological base in modern lexicographic projects. The structural-semantic multiplicity of the headword as a component of a PU determines the universality of the phraseological zone's content representativeness. The use of "multipath" references to a variety of dictionary entries, how many components a PU has, determines the vector projection to a wider range of types of figurative nominations. At the same time, the phraseological definition is presented only in the structure of a single dictionary entry where the headword acts as a key structural-semantic component of a PU. In phraseological zones as part of a peculiar linguistic corpus of the Russian language, a set of PUs has many aspects. Optional lexical and variant components of PUs are indicated. Words a PU usually collocates with are given. There are notes indicating the expressive-stylistic and evaluative functions of a PU; grammatical notes describing some morphological properties of the lexical components of a PU. An interpretation/meaning of a PU, or a reference to the headword in which the content of the PU is considered, is given. If there is a semantic identity, synonyms are provided. The phraseological zone may contain examples of a PU's uses in speech and commentaries of a cogni-

tive nature. The phraseographic objectification of the receptivity of the lexical-semantic variant of the headword is strongly represented by compound terms and names that objectify human discursive activity. Phraseological zones in the structure of entries in which homonymic units act as headwords can become one of the potential vectors of studying phraseology. A single presentation of a phraseological definition in the dictionary shows a typical situation/situations of using PUs and is a potential linguistic material for studies in the cognitive-discursive direction.

Keywords: phraseological zone, phraseological unit, headword, phraseography, representativeness, universal

For citation: Zolotykh, L.G., Baryshnikova, E.N. & Kosmacheva, O.Yu. (2023) Phraseographic potential of the Big Universal Dictionary of the Russian Language. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 27. pp. 47–68. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/27/3

Толковый словарь – это лексикографический источник, равнозначный для научного и обыденного мышления: в поиске нужной дефиниции слова как для точного выражения научной мысли, так и для разрешения своих сомнений в правильности словоупотребления в повседневном общении. Связь автора/авторов и потенциальных читателей/пользователей происходит уже на стадии разработки концепции толкового словаря, примером чего может служить лексикографический опыт С.И. Ожегова в работе над первыми изданиями «Словаря русского языка» (1949 г., 1952 г.), когда обыкновенные люди «откликнулись на призыв учёного помочь автору раскрыть смысл языка, проникнуть в его социальную жизнь, найти в многоголосье книг современные, созвучные тому времени слова и выражения» [1. С. 119].

Лексикографическим коллективом создателей «Большого универсального словаря русского языка» (В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачёва, Н.М. Луцкая, 2016 г.) репрезентативность словарного материала определена степенью продуктивности лексических единиц или рецептивности, которые «отбирались на основе критерия их коммуникативной актуальности» или «с учетом их объективной или субъективной употребительности» [2. С. 8]. Ориентированность на различные категории пользователей подтверждает антропоцентрический характер «Большого универсального словаря русского языка» (далее – БУС). На фоне восприятия толкового словаря как издания, показывающего разнообразные и относительно очевидные носителю языка сведения о слове, необходимо осмысление «принципиальной адек-

ватности традиционных толковых словарей их главной <...> задаче – обеспечить эффективную **рецептивную** речевую деятельность» [3. С. 153]. Новаторское использование в лексикографической практике ориентации современной методики на речевое общение «позволило авторам БУС создать первый на русском языковом материале активно-пассивный словарь» [4. С. 115].

Одна из характеристик всеохватности описания заголовочного слова – его фразеологическая ценность, репрезентирующая «способность слова входить в употребительные и коммуникативно важные фразеологические единицы» [5. С. 12]. Отмеченная В.А. Козыревым и В.Д. Черняк сложность лингвистического жанра словарной статьи одноязычных толковых словарей, которые «в значительной степени выполняют функции других (аспектных) лексикографических изданий» [6. С. 64], интерпретируется четкой «маршрутной картой» поиска фразеологической единицы по известному пользователю компоненту (не всегда ключевому) или по известному слову, соотносимому с заголовочным словом.

В данной статье представлены результаты изучения фразеологического параметра толкового словаря в бумажном формате, интерпретирующего фразеологическую ценность заголовочного слова. В качестве объекта исследования выделена зона в структуре словарной статьи БУС, отмеченная ромбом (◊) и обозначенная термином «фразеологическая зона».

Цель данной статьи – выявить особенности репрезентативности заголовочного слова как ключевого структурно-семантического компонента фразеологической зоны и определить научно-исследовательский потенциал фразеографического массива «Большого универсального словаря русского языка».

Тенденции современной фразеографии

В современной теоретической и практической разработке фразеографии в рамках общей лексикографии существуют разные тенденции. Так, академическая направленность «Историко-этимологического словаря» [7] (с 1998 г. пять переизданий) определена методикой структурно-семантического моделирования, методологической доминантой которой стал «ларинский подход к фразеологическому материалу в этом словаре» [8. С. 34].

Широкий спектр проблем фразеографии в словарях разных типов находит отражение в трудах, посвященных собственно составлению фразеологических словарей [9–13], репрезентации фразеологизмов в толковых словарях [14–17].

Постоянная модификация фразеографических разработок определяется образно-ассоциативным основанием фразеологической семантики, комплексно репрезентирующим ономастический, аксиологический, эмотивный аспекты. Мотивирующий вектор фразеологического образа направлен на актуализацию определенных фразеологических коннотаций, социально значимой оценочности, образного фона и культурно-прагматического потенциала образной номинации. Наблюдение над практическим коммуникативно-языковым материалом, интерпретирующим многообразие образного фонда русского языка, показывает неоднородность современной лингвокультуры, что объясняется спецификой и контекстом функционирования образных номинаций в дискурсивных практиках разной направленности.

Фразеографические новации характеризуются лингвокультурологической и когнитивно-познавательной направленностью, «фиксируют новые фразеологизмы, иллюстрируемые новыми материалами из СМИ – самого актуального и массового источника» [18. С. 32], представляют семантизирующие комментарии к концептуальному содержанию фразеологизмов, раскрывающих динамические и дискурсивные аспекты русской поэзии XIX – начала XXI в. [19]. В лексикографической практике создания серии «Словарь русской пищевой метафоры» [20–22] – сборе и систематизации прецедентных номинаций – был определен и обоснован спектр принципов, объективированных понятием «фигуративная лексикография» [23].

Современная учебная фразеография [24–28], реализуя коммуникативную задачу антропоцентрической лексикографии, демонстрирует «перспективы инновационной словарной репрезентации языковых свойств и этнокультурного потенциала фразеологизма» [29. С. 68]. Разносторонняя интерпретация современными словарями уникальности или универсальности образных слов, их концептуального содержания, сохраняя многообразие речемыслительных практик, отражает динамику лингвокультурного пространства.

Универсальный подход к репрезентации фразеологической единицы в БУС

Расширение границ фразеологической единицы (ФЕ) как объекта исследования и лексикографического описания объясняется стимулирующим потенциалом семантики образной номинации, что способствует реальным корреляциям, формирующим концептосферу языка, и обосновывает взаимодействие структур знания, их категоризации и репрезентации. Представление в БУС около «3 000 тысяч фразеологических единиц и страноведчески значимых речений, в составе которых употребляется заголовочное слово» [5. С. 8], иллюстрирует расширенный фразеологический состав, качественная разнородность которого определяется оборотами со свободным значением его слов-компонентов. Так, во фразеологической зоне репрезентативность терминологических наименований может превалировать над образными фразеологизмами-идиомами, ср.:

◇ **Гуманитарные науки** – науки, к-рые занимаются изучением умственной и духовной деятельности людей, различных аспектов культуры и истории народа (филология, история, философия и т. п.). **Естественные науки** – науки, к-рые занимаются изучением явлений и закономерностей природы, физической материи (геология, биология, химия и т. п.). **Общественные науки** – науки, изучающие человеческое общество, его историю, политику, экономику, философию и т. п. **Точные науки** – науки, основные методы к-рых связаны с измерением величин (математика, астрономия, физика, химия и т. п.). **Фундаментальные науки** – науки, в рамках к-рых вырабатывается знание, служащее основанием для других, более частных наук. **Фундаментальные науки** – науки, в рамках к-рых вырабатываются знания, готовые для непосредственного практического применения. **Грызть гранит науки** – см. **грызть**. **По науке** что-л. [с]делать *разг.* – так, как полагается, в полном соответствии с правилами, инструкциями и т. д. [5. С. 591]; ◇ **Нервная система** – нервы, органы чувств, мозг и т. д. как система, к-рая управляет состоянием и поведением человека и животных. **Речная система** – река в совокупности с её притоками или совокупность рек какой-л. местности. **Солнечная система** – Солнце вместе с обращающимися вокруг него планетами, их спутниками и т. д. **Системы сдержек и противовесов** – разделение компетенций между органами государственной власти, обеспечивающее их взаимный контроль [5. С. 1084].

Широкая проекция фразеографирования – одна из характеристик универсальности «Большого универсального словаря русского языка-

ка», который определен авторами «в один ряд с всемирно известными универсальными изданиями Oxford University Press, Longman (Pearson Education) и Duden» [5. С. 2]. Всеохватность БУС семантически объективируется ключевым словом «универсальный», поэтому обратимся к репрезентации его лексико-семантических вариантов в одном из названных выше словарей – в Словаре современного английского языка Лонгмана (Longman Dictionary of Contemporary English Online):

universal

1 involving everyone in the world or in a particular group [30] (букв. “вовлекающий всех людей в мире или в определенной группе”).

2 true or suitable in every situation [30] (букв. “верный или подходящий в любой ситуации”).

В концептуальной картине мира как информационной системе посредством концепта фиксируются элементы дискурсивного (событийного) мышления и актуализируется опыт, запечатленный в сознании индивида. В результате интериоризации происходит преобразование внешнего (дискурсивного) во внутреннее (семантическое).

Приведенные в словаре примеры сочетательной ценности, взятые из электронного Корпуса современного английского языка (Corpus of Contemporary American English), интерпретируют смысловую реализацию, например:

universal

• It is not easy to write a song that has **universal** appeal [30] (букв. “нелегко написать песню, которая понравится всем” / “нелегко написать песню, которая будет универсальной для всех”).

<...>

universal truth

• A **universal truth** has to be digested and made part of our thinking and understanding [30] (букв. “универсальная истина должна быть усвоена и стать частью нашего мышления и понимания”).

Таким образом, с диалектической позиции когнитивный блок понятия «универсальный» дискурсивно связан с общими фоновыми знаниями и восходит к языковым универсалиям, что определяет его интернациональный характер и, несомненно, обосновывает его значимость в качестве терминологической номинации в названии «Большого универсального словаря русского языка».

Пристальное внимание авторов статьи к понятию «универсальный» мотивируется внушительным фразеографическим материалом в

корпусе БУС и универсальным подходом к словарной репрезентации фразеологической единицы, которая «помещается в стольких словарных статьях, сколько полнзначных слов имеется в её составе» [5. С. 12], т. е. сколько раз заголовочное слово выступает как компонент в составе фразеологических единиц. При этом фразеологическая дефиниция представлена только в структуре одной словарной статьи, «которая возглавляется грамматически опорным в данном фразеологизме словом» [5. С. 12]. Например, во фразеологической зоне с компонентом 'плохой' в структуре словарной статьи одноименной заголовочной единицы только у двух образных номинаций указаны значения, а девять номинаций имеют ссылки на статьи других заголовочных слов, ср.:

ПЛОХОЙ, *кратк. ф.*: *м.* плох, *ж.* плохá, *ср.* плóхо, *мн.* плóхи и плохí, *сравн.* I хуже и *прост.* плóше, *превосх.* I худший, *кач.*, IV б.

<...>

♦ **Не будь плох** *разг.* – не проявляй растерянности, проявляй смекалку, инициативу, используй ситуацию для своей выгоды. **Бог-то [он] Бог, да и сам не будь плох** – *см.* бог. **Гнев плохой советчик** – *см.* гнев. **Делать (сохранять) хорошую мину при плохой игре** – *см.* игра. **Из рук вон плохой** – *см.* рука. **На плохом пути; по плохому пути** – *см.* путь. **Плохие вести не лежат на месте** – *см.* лежать. **Шутки плохи** с кем-чем-л. – *см.* шутка. **В худшем случае** – *см.* случай. **Положение хуже губернатора** – *см.* положение. **Хуже некуда** что-л. – употребляется для крайне негативной оценки чего-л. в значении «что-л. настолько плохо, что хуже уже и быть не может» [5. С. 796].

Фразеологические зоны БУС репрезентируются как ФЕ, обладающими разной степенью идиоматичности, так и паремиями, крылатыми выражениями, составными терминами и наименованиями, формулами речевого этикета, междометными модальными устойчивыми оборотами, штампами и клише – номинативными и коммуникативными единицами, обладающими свойством воспроизводимости в неизменном составе. Такой подход аргументируется расширением фразеологической базы в современных лексикографических проектах посредством новых образных единиц, источниками которых стали русский фольклор, художественная литература, живая фразеология разножанровых медиатекстов, сленговые словари и картотеки, анкетирование и собственные записи составителей [31. С. 82–83].

Структура фразеологической зоны словарной статьи

Фразеологические зоны в структуре словарных статей – часть своеобразного лингвистического корпуса русского языка, где свод фразеологических единиц представлен многоаспектно. На материале словарных статей «СЛОВО» и «ЯЗЫК» представим особенности интерпретации ФЕ во фразеологической зоне.

1. Каждая ФЕ (заголовочная фразема) выделяется полужирным шрифтом и дается с прописной буквы как номинация фрагмента фразеологической зоны:

◇ **Слово Божие** <...>¹. **Живое слово** <...>. **Новое слово** в чём-л. <...>. **Последнее слово** <...>. **Слово за вами** <...>. **Слово с делом не расходится** у кого-л. <...>. **Свобода слова** <...>. **С первого слова** <...>. **Золотые слова** <...>. **Слова не идут с языка** <...>. **Глотать несов. слова** <...>. **Со слов** <...>. **С чужих слов** <...> [5. С. 1102]; ◇ **Ломаный язык** <...>. **Язык как бритва** у кого-л. <...>. **Укоротить язык** кому-л. *разг.* <...>. **Злой на язык** кто-л. <...>. **На языке у всех (у многих)** что-л. <...>. **Язык на плече** у кого-л. *разг.* <...>. **Язык развязался** у кого-л. *разг.* <...>. **Язык хорошо (неплохо) подвешен** у кого-л. <...> [5. С. 1440].

2. В квадратных скобках полужирным шрифтом указываются факультативные лексические компоненты:

◇ **В полном смысле [этого] слова** – *см. смысл. [От слова]* до слова <...>. **Знать несов. [такое] слово** *шутл.* <...> [5. С. 1102–1103].

3. В круглых скобках полужирным шрифтом даются варианты компонентов ФЕ:

◇ **Быть несов. господином (хозяином) своего слова (своему слову)** <...>. **Вспоминать (поминать) добрым словом** кого-что-л. <...>. **Без дальних (лишних) слов** – *см. без.* **Не нахожу (не хватает, нет) слов** <...>. **Сказать несколько (пару) тёплых (ласковых) слов** – *см. говорить.* **Бросать (кидать) слова на ветер** – *см. ветер.* **Тратить слова понапрасну (попусту, зря)** – *см. тратить.* **Не выразить словами; невозможно (нельзя) выразить словами; не находить слов, чтобы выразить** что-л. – *см. выразить* [5. С. 1102–1103];

¹ Здесь и далее для компактного представления фразеологической зоны на месте опущенного значения ФЕ ставится знак <...>.

◇ **Острый язык** у кого-л.; **острый (остёр) на язык** кто-л. – см. **острый**. **Эзопов (эзоповский) язык** <...>. **Придержи (попридержи) язык прост.** <...>. **Развязать язык (языки)** – см. **развязать**. **Язык сломаешь (можно сломать)** – см. **ломать**. **Как корова языком слизнула (слизала) кого-что-л.** – см. **корова**. **Русским языком говорю (спрашиваю); русским языком говорят (спрашивают) разг.** <...>. **Сорвалось (слетело) с языка** что-л. у кого-л. *разг.* <...> [5. С. 1440].

4. Приводятся слова-сопроводители, с которыми данная фразеологическая единица обычно употребляется:

◇ **Нет ни слова** о ком-чём-л., где-л. <...>. **Поливать последними словами** кого-что-л. – см. **полить**. **Верить (поверить) на слово** кому-л. – см. **верить** [5. С. 1102–1103]; ◇ **Язык не поворачивается** у кого-л. (сказать что-л., упрекнуть кого-л. в чём-л. ...) *разг.* <...> [5. С. 1440].

5. Имеются пометы, указывающие на экспрессивно-стилистическую и оценочную функцию ФЕ; грамматические пометы, характеризующие некоторые морфологические свойства лексических компонентов ФЕ:

◇ **Одно слово разг.** <...>. **Не давать слова сказать** кому-л. *разг.* <...>. **Замолвить сов. слово** у кого-л. или перед кем-л. за кого-что-л. *разг.* <...>. **Словом не обмолвился** кто-л. *разг.* <...>. **Не с кем словом перемолвиться сов., разг.** <...>. **Комкать зд. несов. слова разг.** <...>. **Боек на слова** кто-л. *разг.* <...> [5. С. 1102–1103];

◇ **Длинный язык** у кого-л. *разг., неодобр.* <...>. **Злой язык** у кого-л. *неодобр.* <...>. **Злые языки неодобр.** <...>. **Прикуси язык разг.** <...>. **Распустить язык разг., неодобр.** <...>. **Болтать несов. (трепать зд. несов., чесать зд. несов., молоть зд. несов.) языком разг., с оттенком прост.** <...>. **Просится зд. несов. на язык** что-л. <...>. **Что на уме, то и на языке** у кого-л. *разг.* <...>. **С языка не сходит зд. несов. что-л.** у кого-л. <...>. **Язык без костей** у кого-л. *разг.* <...>. **Язык заплетается зд. несов.** у кого-л. *разг.* <...>. **Отсохни зд. сов. у меня язык прост.** <...>. **Как только язык повернулся?! разг., неодобр.** <...>. **Язык чешется зд. несов.** у кого-л. *разг.* <...> [5. С. 1440].

6. Приводится толкование/значение ФЕ или ссылка на заголовочное слово, где рассматривается содержание этой ФЕ:

◇ **Крылатые слова** – слова и выражения (афоризмы, цитаты, названия и т. п.), вошедшие в общенародное употребление как отдельные единицы, авторство и источник к-рых обычно хорошо известны или легко восста-

навливаются. **Слова, слова, слова** *книжн.* – о множестве разговоров, болтовне, заменяющей собой реальные дела (из трагедии В. Шекспира «Гамлет»). **Игра слов** – *см.* игра. **Набор слов** – *см.* набор. **Пара слов** – *см.* пара. **Двух слов сказать не может** кто-л. – *см.* два. **Не говори лишних слов** – *см.* говорить [5. С. 1103];

◇ **Ты русский язык понимаешь? Ты что, русского языка не понимаешь?** – *см.* понять [5. С. 1440]. *См.*: **Ты русский язык понимаешь? Ты что, русского языка не понимаешь?** *С оттенком груб.* – употребляется по отношению к человеку, к-рый никак не реагирует на обращённую к нему просьбу, требование и т. п. (фраза передаёт возбуждённо-раздражённое состояние говорящего) [5. С. 850].

При наличии семантического тождества приводятся синонимы:

◇ **Отсохни зд. сов. твой язык прост.** – то же, что **типун тебе на язык**. *См.*: **Типун тебе на язык!** *разг.* – выражение неодобрения в адрес того, кто предположил что-л. нежелательное. **Язык прилип к гортани** у кого-л. – то же, что **язык отнялся** у кого-л. *См.*: **Язык отнялся** у кого-л. – кто-л. вдруг замолчал, потерял способность говорить от неожиданности, крайнего удивления, страха и т. п. [5. С. 1440].

Сопоставление выборочной совокупности ФЕ, содержание которых рассматривается в данной словарной статье и семантизация которых происходит по ключевому компоненту в других словарных статьях, представлено на материале словарных статей «СЛОВО» и «ЯЗЫК» в таблице.

Количественная репрезентативность фразеологической зоны

Заголовочное слово	Общее количество ФЕ	Семантизация ФЕ в данной словарной статье	Ссылка на другие словарные статьи
СЛОВО	75	41	34
ЯЗЫК	54	33	21

7. Фразеологическая зона может содержать примеры использования ФЕ в речи, например: ◇ **Русским языком говорю (спрашиваю); русским языком говорят (спрашивают)** *разг.* – совершенно ясно, предельно понятно, недвусмысленно. □ Я вам русским языком сказал: не был я там, неужели непонятно? [5. С. 1440].

Имеются единичные комментарии когнитивного характера. Например, посредством библейского дискурса определяется характер

ристика компонента 'Слово' как термина: ◇ **В начале было Слово** *книжн.* – о приоритете, первичности разума, мысли, слова, а ткж. о замысле как начале всякого дела (из Библии: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, Слово было Бог» [Ин 1.1], где термин Слово является русским соответствием греческого слова Логос и обозначает Сына Божия в Его божественной природе, тогда как имя Иисус относится к Нему, пребывающему во плоти) [5. С. 1102].

Итак, фразеологические зоны показывают структурно-семантическую многоплановость слова как компонента ФЕ посредством «многолучевых» ссылок на то множество словарных статей, сколько компонентов имеет фразеологическая единица. Универсальность репрезентативности содержания фразеологической зоны – в представлении номинативных или коммуникативных единиц, характеризующихся воспроизводимостью, устойчивостью и сверхсловностью, во-первых, и идиоматичностью, во-вторых. Этот фактор определяет векторную проекцию на более широкий спектр типов образных номинаций и способствует установлению взаимного соответствия, зависящего от разной степени продуктивности или рецептивности ФЕ.

Фразеографическая объективация рецептивности лексико-семантического варианта заголовочного слова

Степень продуктивности или рецептивности ФЕ обусловлена коммуникативной актуальностью, объективной/субъективной употребительностью лексико-семантического варианта заголовочного слова как структурного компонента, участвующего в создании фразеологического значения и его смысловой реализации. В БУС рецептивный лексико-семантический вариант отмечен черным кружком (●) – отсутствие такого знака указывает на активный лексико-семантический вариант. Ср. ФЕ, структурными компонентами которых являются та-ронимы (паронимы):

ПОДВИЖН|ОЙ, <...> ! *Не путать с* подвижный.

- Такой, к-рый переезжает с места на место, предназначенный для того, чтобы переезжать с места на место.

<...>

◇ **Подвижной состав** – *см. состав*. [5. С. 810].

СОСТАВ <...>

- ◇ **Подвижной состав** *спец.* – совокупность средств передвижения железнодорожного (локомотивы, вагоны и т. п.), автомобильного (автомоби-

ли, прицепы, полуприцепы и т. п.) и др. видов транспорта, а тжж. такая совокупность, находящаяся во владении какого-л. предприятия [5. С. 1146].

ПОДВИЖНЫЙ, <...> ! *Не путать с подвижной.*

<...>

• 2.3. зд. *полн. ф.* Такой, к-рый характеризуется частыми перемещениями. <...>

• 3.0. Такой, к-рый обладает способностью легко и быстро приспосабливаться, применяться к изменяющимся условиям.

<...>

◇ **Подвижные игры** – игры, связанные с активными движениями, бегом, перемещениями, чаще на открытом воздухе. **Подвижное ударение** – ударение, которое в разных словоформах одного и того же слова может быть то на основе, то на окончании, *напр.*, облако, *мн.* облака [5. С. 810].

Широкое понятие объекта и предмета фразеологии репрезентируется во фразеологических зонах также составными терминами и наименованиями, например:

◇ **Печатное слово** – совокупность произведений печати (литература, пресса и т. п.). **Художественное слово** – произведения художественной литературы, а тжж. художественная литература. **Внутренняя форма слова** – *см.* **внутренний**. **Порядок слов** – *см.* **порядок** [5. С. 1102–1103].

Фразеологические единицы как составные термины и наименования являются ярким показателем речемыслительного ареала, где они существуют и внутри которого в границах дискурсивного поля семантика термина связана генетически с научным или профессиональным дискурсом. Например, лингвистические термины: ◇ **Порядок слов** *грамм.* – расположение членов предложения, к-рое определяется синтаксической нормой или коммуникативным заданием [5. С. 859]. ◇ **Союзное слово** *грамм.* – местоимение, к-рое – наряду с союзами – употребляется для связи главной и придаточной частей сложноподчиненного предложения [5. С. 1102]. ◇ **Сложное предложение** *грамм.* – предложение, состоящее из двух или более частей, связанных какими-л. (сочинительными, подчинительными и др.) отношениями и структурно равным простым предложениям. **Сложное слово** *грамм.* – слово, образованное с помощью морфологического соединения двух или более основ (*напр.*, лесостепь, пулемёт, тихий-тихий) [5. С. 1104].

Так, результатом современной дискурсивной деятельности стали компьютерные термины и термины информационных технологий,

например: ◇ **Операционная система** / *сокр.* **ОС** – определенным образом организованная совокупность программ, позволяющая осуществлять комплекс необходимых операций при работе с компьютером [5. С. 1084]. ◇ **Всемирная сеть (паутина)** – Интернет [5. С. 147]. ◇ **Универсальная электронная карта** – пластиковая карта, к-рая сочетает в себе удостоверение личности, полис обязательного медицинского страхования, страховое свидетельство обязательного пенсионного страхования, платёжную банковскую карту [5. С. 415]. ◇ **Виртуальная реальность** – имитация какой-л реальной обстановки с помощью компьютерных технологий – звука, зрительных образов, тактильных ощущений и т. п.) [5. С. 1005]. ◇ **Социальная сеть (социальные сети)** – интерактивный многопользовательский интернет-сайт, содержание к-рого формируется самими участниками сети, обычно в соответствии с их общими интересами (хобби, общение на определённые темы, знакомства и т. д.) [5. С. 1077]. ◇ **Информационная технология** – система процедур преобразования (с помощью компьютерных средств) информации с целью её формирования, организации, обработки, распространения и использования [5. С. 1237].

Следовательно, дискурсивная деятельность человека объективируется терминологическим многообразием, в ряду которого терминологические номинации, обладающие воспроизводимостью, устойчивостью, сверхсловностью как категориальными свойствами ФЕ, но не имеющие такого признака, как идиоматичность, были определены авторами БУС во фразеологические зоны.

Фразеологические зоны в структуре статей, где в качестве заголовочных слов выступают омонимичные единицы

Выделение в БУС заголовочных слов как омонимичных единиц, несомненно, создает условие для различного наполнения фразеологических зон. Например:

МИР¹

<...>

◇ **Виртуальный мир** – фиктивная реальность, созданная средствами интерактивных компьютерных программ, а также вообще иллюзорный, не существующий в действительности мир. **Загробный мир** – по религиозным представлениям: место, куда попадает и где пребывает человек после смерти. **Крещёный мир** с *оттенком устар.* – все православные, все крещёные люди. **Многополярный мир** – мироустройство, которое предполагает существование сверхдержав и исключает политическое доминирова-

ние какого-л. одного государства. **Однополярный мир** – мироустройство, которое предполагает существование только одной сверхдержавы, играющей доминирующую роль в политической жизни планеты. **Подлунный мир** *книжн.* – Земля со всем существующим на ней. **Потусторонний мир** – по религиозно-мистическим представлениям: мир, существующий за пределами земной жизни. **Третий мир** *истор.* – развивающиеся, слабые в экономическом отношении страны (первоначально: такие, которые не принадлежат ни к капиталистическому, ни к социалистическому лагерю) [10. С. 536]. И ещё 16 ФЕ: **Мир тесен** <...>. **Сильные суиц.** (великие *суиц.*) **мира сего** *книжн.* <...>. **Князь мира сего** – *см.* князь. **Крыша мира** – *см.* крыша. **[Всем] миром** *разг.* <...>. **Не от мира сего** <...>. **По миру** <...>. **С шапкой по миру** *идти* – *см.* идти. **Перевернуть [весь] мир** – *см.* перевернуть. **Уйти (отойти, переселиться, отправиться) в мир иной** (в лучший мир, в другой мир) *книжн.* <...>. **Быть несов.** (оказаться) **отрезанным от мира** <...>. **Мир не без добрых людей** – *см.* добрый. **Мир дунет** – ветер будет, мир плюнет – море будет *посл.* <...>. **На миру и смерть красна** – *см.* смерть. **С миру по нитке – голому суиц.** рубашка *посл.* <...>. **Старо как мир** что-л. <...> [10. С. 536–537].

МИР²

<...>

♦ **Почётный мир** – договор о мире, условия которого не наносят ущерба достоинству кого-чего-л. **Голубь мира** – *см.* голубь. **Трубка мира** – *см.* трубка. **С миром** (иди, езжай) *с оттенком книжн.* – спокойно, благополучно (пожелание уходящему, отъезжающему). **Отпустить с миром** кого-л. – *см.* отпустить. **Мир вам (тебе ...)**! *устар. или шутол.* – пожелание покоя и благополучия (обычно употребляется в качестве приветствия при встрече с кем-л., при посещении кого-чего-л.) (из Нового Завета: Лк. 24, 36; Ин. 20, 19; 26). **Мир дому сему!** *устар., высок. или шутол.* – пожелание покоя, счастья и благополучия при посещении какого-л. дома (из Нового Завета: Лк. 10,5). **Мир праху** *чьему-л, кого-л.* – пусть мирно покоится (ритуальное пожелание умершему на похоронах, иногда при его упоминании в разговоре). **Мир хижинам, война дворцам** – лозунг любого народного выступления, направленного против властей и имеющего целью изменить к лучшему жизнь и положение народных масс (лозунг времён французских буржуазных революций XVIII в.). **Худой мир лучше доброй ссоры** *посл.* – лучше, предпочтительнее сохранять холодные, но корректные отношения, чем доводить их до открытого конфликта [10. С. 537].

Разграничение разноуровневых омонимичных единиц, обусловленное взаимозависимостью количественной характеристики лингвистических объектов и их качественной характеристики, устанавливает семантические различия, сопровождаемые грамматическими или морфологическими расхождениями, что предопределяет соотносённость ФЕ с лексико-семантической группой, ср.:

ПОПЕРЁК¹, нареч.

• 1.0. По направлению ширины, по ширине, в ширину. ★ *Ант.* вдоль¹. *Разрезать ленту п.* <...> ◇ **Вдоль и поперёк** – см. вдоль¹ <...> [10. С. 851].

ВДОЛЬ¹, нареч.

• 1.0. По направлению длины. ★ *Ант.* поперёк¹. *Разрезать ленту в.* <...>. ◇ **Вдоль и поперёк** – а) повсюду, во всех направлениях. <...>; б) *перен.* до мельчайших подробностей, очень хорошо [10. С. 88].

ПОПЕРЁК², предл. с род.

• Употребляется при указании на предмет, по ширине к-рого направлено или размещено что-л. ★ *Ант.* вдоль. *Поставить стол п. комнаты.* ◇ **Поперёк горла стоять (встать, стать)** – см. горло. **Стать (встать, стоять) поперёк дороги** кому-л. – см. дорога. **Поперёк себя шире** кто-л. – см. широкий [10. С. 852].

Подобная модель репрезентации фразеологических зон словарной статьи наблюдается при явлении транспозиции в рамках семантической структуры заголовочной единицы, где при упоминаемой ФЕ дается отсылка к месту её содержательного рассмотрения. Например, в словарной статье под заголовочным словом **А ТО¹**, трактуемого как союз, ФЕ **А то плохо будет** имеет ссылку на омонимичную единицу **плохо²** [10. С. 33]. Статьи, где в качестве заголовочных слов выступают омонимичные единицы **ПЛОХО¹** – наречие, а **ПЛОХО²** – слово категории состояния, представляют фразеологические зоны следующим образом:

ПЛОХО¹, сравн. I хуже¹, нареч. <...>.

◇ **Плохо кончит** кто-л. – см. кончить. **Плохо лежит** что-л. – см. лежать. **Плохо пахнет** что-л. – см. пахнуть. **Из рук вон плохо** – см. рука. **Хуже горькой редьки** – см. горький. **Как нельзя хуже** – см. нельзя. <...> [10. С. 795].

ПЛОХО², сравн. I хуже, сост. <...>.

◇ **[А то (не то, иначе)] плохо будет разг.** – употребляется в качестве предупреждения кого-л. о том, что в случае неподчинения, отказа от совершения требуемого, его ждёт наказание, расправа [10. С. 796].

Универсальный подход к представлению фразеологических зон в словарных статьях, интерпретирующих семантическую структуру заголовочных слов, критериями омонимических отношений которых стал распад полисемии, грамматическая или функциональная омонимия, может стать одним из потенциальных векторов отдельного исследования фразеологии. Репрезентативность выборочной совокупности представленных примеров указывает на характер распределения

интересов отдельных исследований, направленных на соотнесенность ФЕ с лексико-семантической группой, на особенности фразеологической вариативности и системных отношений ФЕ.

Заключение

Каждый словарь реализует комплекс задач, но у каждого словаря есть определенный потенциал, который не всегда могли видеть его создатели. Универсальный подход к лексикографической интерпретации ФЕ в БУС, несомненно, интересен для перспективы исследования фразеологической семантики в когнитивно-дискурсивной направленности. Многократность представления ФЕ в БУС, объективируя количественное соотношение компонентного состава и заголовочных слов – лексических единиц, предназначенных «для активного (продуктивного) и пассивного (рецептивного) использования» [5. С. 8], дает возможность использовать репрезентативность фразеологических зон в практике научных исследований структурно-семантических особенностей фразеологического корпуса русского языка. Однократность представления фразеологической дефиниции в БУС репрезентирует типовую ситуацию/типовые ситуации употребления ФЕ и является потенциальным языковым материалом для выявления её способности к смысловой вариативности и семантической модификации, структурно-семантической трансформации в различных дискурсах лингвистического корпуса русского языка.

Список источников

1. *Никитин О.В.* «В ответ на Ваш запрос сообщая...» (К 70-летию издания «Словаря» С.И. Ожегова) // *Русская речь*. 2020. № 02. С. 115–127.
2. *Богачёва Г.Ф., Морковкин В.В.* О всеохватном лексикографическом представлении лексического ядра русского языка // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2011. № 3 (15). С. 6–11.
3. *Милославский И.Г.* О пометах сов. и несов. в толковых словарях русского языка // *Слова и словари : сборник научных статей, посвящённый профессору Валентине Даниловне Черняк / отв. ред. В.А. Ефремов*. СПб. : Своё издательство, 2015. С. 152–156.
4. *Ольховская А.И.* Рецензия на книгу: Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка // *Вопросы лексикографии*. 2016. № 2 (10). С. 110–121.
5. *Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М.* Большой универсальный словарь русского языка : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина; под ред. В.В. Морковкина. М. : АСТ-Пресс Книга; Словари XXI века, 2016. 1456 с. (Фундаментальные словари).

6. Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. 631 с.

7. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. 926 с.

8. Мокиенко В.М. Ларинские идеи в современной фразеологии и фразеогрфии // Межкафедальный словарный кабинет имени профессора Б.А. Ларина : сб. ст. / ред. А.С. Герд, Е.В. Пурицкая. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2010. С. 31–44.

9. Шаховский В.И. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006 // Филологические науки. 2007. № 1. С. 113–115.

10. Ломакина О.В. Рецензия на книгу: Академический словарь русской фразеологии; под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского // Вопросы лексикографии. 2015. № 1 (7). С. 98–103.

11. Никитин О.В. Жуков А.В., Жукова М.Е. Словарь современной русской фразеологии // Русский язык в школе. 2015. № 11. С. 61–63.

12. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Русская диалектная фразеогрфия : дифференциальные и полные словари / ред. Х. Вальтер. Санкт-Петербург ; Greifswald : СПбГУ-Universität Greifswald, 2019. 310 с.

13. Васильев А.И. Фразеологический словарь языка В.И. Даля. Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина, 2016. 202 с.

14. Андрианова Д.В. Изменение лексикографических принципов представления фразеологизмов и устойчивых сочетаний слов в «Словаре современного русского литературного языка» и в «Большом академическом словаре русского языка» // Вопросы лексикографии. 2019. № 15. С. 71–82.

15. Богачёва Г.Ф., Ольховская А.И., Парамонова М.К. Электронный идеогрфический словарь: теоретический и прикладной аспекты (на материале «Русского тематического словаря») // Вопросы лексикографии. 2017. № 12. С. 39–60.

16. Генералова Е.В. По барабану: лексико-грамматический статус и лексикографическое представление устойчивых двухкомпонентных предложнопдежных сочетаний // Вопросы лексикографии. 2021. № 19. С. 32–51.

17. Леонтьева Т.В., Щетинина А.В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века. Екатеринбург : Ажур, 2021. 424 с.

18. Байрамова Л.К. Фразеологические словари нового поколения // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 29 (210). Филология. Искусствование. Вып. 47. С. 27–32.

19. Мелерович А.М., Мокиенко В.М., Якимов А.Е. Фразеологизмы в русской поэзии XIX–XXI вв. Словарь: опыт лексикографической систематизации употреблений фразеологизмов в русской поэзии / под науч. ред. В.М. Мокиенко. Кострома : КГУ, 2016. 628 с.

20. Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1 : Блюда и продукты питания / сост. А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина ; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Томского университета, 2015. 434 с.

21. *Словарь русской пищевой метафоры*. Т. 2 : Гастрономическая деятельность / сост. А.В. Балдова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина ; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Томского университета, 2017. 546 с.
22. *Словарь русской пищевой метафоры*. Т. 3 : Блюда и продукты питания / сост. А.В. Балдова, М.В. Герасимова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина ; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Томского университета, 2019. 453 с.
23. Грекова М.В. Фигуративная лексикография и её место в современной русистике // Вопросы лексикографии. 2016. № 2 (10). С. 18–40.
24. Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Фразеологический словарь для школьников. Серия: Русский на отлично. СПб. : Норинт, 2005. 512 с.
25. Роголёва Е.И., Никитина Т.Г. Ума палата: детский фразеологический словарь. М. : ИД Мещерякова, 2017. 160 с.
26. Роголёва Е.И., Никитина Т.Г. Сами с усами: весёлый фразеологический словарь. М. : ИД Мещерякова, 2018. 208 с.
27. Мокиенко В.М., Зыкова Е.И. «Школьный словарь крылатых слов русского языка» как объект лексикографического описания // Вопросы лексикографии. 2019. № 16. С. 153–163.
28. Роголёва Е.И., Никитина Т.Г. Фразеологизмы в занимательных рассказах. Словарь для детей и их родителей. М. : Русский язык. Курсы, 2022. 48 с.
29. Никитина Т.Г., Роголёва Е.И. Современная учебная фразеология: инновационные параметры бумажного словаря // Вопросы лексикографии. 2021. № 20. С. 67–90.
30. Longman Dictionary of Contemporary English Online // LONGMAN. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/universal> (дата обращения: 16.02.2022).
31. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. К концепции полного словаря народной фразеологии: проблемы макроструктурирования // Вопросы лексикографии. 2018. № 14. С. 80–106.

References

1. Nikitin, O.V. (2020) “V otvet na Vash zapros soobshchayu...” (K 70-letiyu izdaniya “Slovara” S.I. Ozhegova) [“In response to your request I inform ...” (The 70th anniversary of publishing The “Dictionary” by S.I. Ozhegov)]. *Russkaya rech' – Russian Speech*. 2. pp. 115–127. (In Russian).
2. Bogacheva, G.F. & Morkovkin, V.V. (2011) On all-embracing lexicographic presentation of the lexical core of the Russian language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University. Philology*. 3(15). pp. 6–11. (In Russian).
3. Miloslavsky, I.G. (2015) O pometakh sov. i nesov. v tolkovykh slovaryakh russkogo yazyka [About the labels perfect and imperfect in explanatory dictionaries of the Russian language]. In: Efremov, V.A. (ed.) *Slova i slovari* [Words and dictionaries]. Collected articles dedicated to professor V.D. Chernyak St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo. pp. 152–156. (In Russian).
4. Olkhovskaya, A.I. (2016) Book Review: Morkovkin, V.V., Bogacheva, G.F. & Lutsкая, N.M. (2016) *Bol'shoy Universal'nyy Slovar' Russkogo Yazyka* [The Big

Universal Dictionary of the Russian Language]. *Voprosy Lexikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2 (10). pp. 110–121. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/10/7

5. Morkovkin, V.V., Bogacheva, G.F. & Lutsкая, N.M. (2016) *Bol'shoy universal'nyy slovar' russkogo yazyka* [The big universal dictionary of the Russian language]. Moscow: Ast-press kniga.

6. Kozyrev, V.A. & Chernyak, V.D. (2015) *Lexikografiya russkogo yazyka: vek nyneshniy i vek minuvshiy* [Lexicography of the Russian language: the present century and the past century]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.

7. Birikh, A.K., Mокienko, V.M. & Stepanova, L.I. (2005) *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskiy slovar'* [Russian phraseology. Historical etymological dictionary]. 3rd ed. Moscow: Astrel.

8. Mокienko, V.M. (2010) Larinskie idei v sovremennoy frazeologii i frazeografi [Larin's ideas in modern phraseology and phraseography]. In: Gerd, A.S. & Puritskaya, E.V. (eds) *Mezhkafedral'nyy slovar'nyy kabinet imeni professora B.A. Larina: sb. st.* [Interdepartmental vocabulary named after professor B.A. Larin. Collected articles]. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University. pp. 31–44.

9. Shakhovskiy, V.I. (2007) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskiy kommentariy* [Large phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Usage. Culturological comment]. *Filologicheskie nauki*. 1. pp. 113–115.

10. Lomakina, O.V. (2015) Book review: Baranov, A.N. & Dobrovolskiy, D.O. (eds.) *Akademicheskiy slovar' russkoy frazeologii* [The academic dictionary of Russian phraseology]. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1(7). pp. 98–103. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/7/8

11. Nikitin, O.V. (2015) *Slovar' sovremennoy russkoy frazeologii* [Dictionary of modern Russian phraseology]. *Russkiy yazyk v shkole*. 11. pp. 61–63.

12. Mокienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2019) *Russkaya dialektnaya frazeografiya: differentsial'nye i polnye slovari* [Russian dialect phraseography: Differential and complete dictionaries]. St. Petersburg; Greifswald: Saint Petersburg State University; Universität Greifswald.

13. Vasiliev, A.I. (2016) *Frazeologicheskiy slovar' yazyka V.I. Dal'sya* [Dahl's phraseological dictionary of language]. Yelets: Bunin Yelets State University.

14. Andrianova, D.V. (2019) The Changes in the Lexicographic Principles of Representation of Phraseological Units and Stable Word Combinations in the Dictionary of the Modern Russian Literary Language and in the Large Academic Dictionary of the Russian Language. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 15. pp. 71–82. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/15/5

15. Bogacheva, G.F., Olkhovskaya, A.I. & Paramonova, M.K. (2017) An electronic ideographic dictionary: Theoretical and practical aspects (on the basis of the Russian thematic dictionary). *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 12. pp. 39–60. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/12/3

16. Generalova, E.V. (2021) Lexical-Grammatical Status and Lexicographic Presentation of Two-Component Stable Prepositional Combinations. *Voprosy*

leksikografii – Russian Journal of Lexicography. 19. pp. 32–51. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/19/2

17. Leontieva, T.V. & Shchetinina, A.V. (2021) *Slovar' aktual'noy leksiki edineniya i vrazhdy v russkom yazyke nachala XXI veka* [Dictionary of topical vocabulary of unity and enmity in the Russian language of the early 21st century]. Yekaterinburg: Azhur.

18. Bairamova, L.K. (2010) Frazeologicheskie slovari novogo pokoleniya [Phraseological dictionaries of a new generation]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 47. pp. 27–32.

19. Melerovich, A.M., Mokienko, V.M. & Yakimov, A.E. (2016) *Frazeologizmy v russkoy poezii XIX–XXI vv. Slovar': opyt leksikograficheskoy sistematzatsii upotrebleniy frazeologizmov v russkoy poezii* [Phraseological expressions in Russian poetry in the 19th and 20th centuries. Dictionary: An experience of lexicographic systematization of phraseological usage in Russian poetry]. Kostroma: Kostroma State University.

20. Yurina, E.A. (ed.) (2015) *Slovar' russkoj pishhevoj metafory. Bljuda i produkty pitaniya* [Dictionary of Russian food metaphors. Dishes and foodstuffs]. Vol 1. Tomsk: Tomsk State University.

21. Yurina, E.A. (ed.) (2017) *Slovar' russkoj pishhevoj metafory. Gastronomicheskaja dejatel'nost'* [Dictionary of Russian food metaphors. Gastronomic activities]. Vol 2. In: Tomsk: Tomsk State University.

22. Yurina, E.A. (ed.) (2019) *Slovar' russkoj pishhevoj metafory. Bljuda i produkty pitaniya* [Dictionary of Russian food metaphors. Dishes and foodstuffs]. Vol 3. Tomsk: Tomsk State University.

23. Grekova, M.V. (2016) Figurative lexicography and its place in modern Russian philology. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2 (10). pp. 18–40. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/10/2

24. Felitsyna, V.P. & Mokienko, V.M. (2005) *Frazeologicheskiy slovar' dlya shkol'nikov. Seriya: Russkiy na otlichno* [Phraseological dictionary for schoolchildren: Excellent Russian series]. St. Petersburg: Norint.

25. Rogaleva, E.I. & Nikitina, T.G. (2018) *Uma palata: detskiy frazeologicheskiy slovar'* [A lot of wisdom. Children's phraseological dictionary]. Moscow: Izd. Dom Meshcheryakova.

26. Rogaleva, E.I. & Nikitina, T.G. (2018) *Sami s usami: vesyolyy frazeologicheskiy slovar'* [We were not born yesterday. A fun phraseological dictionary]. Moscow: Izd. Dom Meshcheryakova.

27. Mokienko, V.M. & Zykova, E.I. (2019) The school dictionary of Russian winged words as an object of lexicographical description. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 16. pp. 153–163. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/16/9

28. Rogaleva, E.I. & Nikitina, T.G. (2022) *Frazeologizmy v zanimatel'nykh rasskazakh. Slovar' dlya detey i ikh roditeley* [Phraseological expressions in entertaining stories. Dictionary for children and their parents]. Moscow: Russkiy yazyk. Kursy.

29. Nikitina, T.G. & Rogaleva, E.I. (2021) Modern educational phraseography: innovative parameters of a paper dictionary. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 20. pp. 67–90. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/20/4

30. *Longman Dictionary of Contemporary English*. [Online] Available from: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/universal> (Accessed: 16.02.2022)

31. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2018) To the Concept of a Complete Dictionary of Popular Phraseology: Problems of Macrostructuring. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 14. pp. 80–106. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/14/5

Информация об авторах:

Золотых Лидия Глебовна – профессор, д-р филол. наук, профессор факультета русского языка Института иностранных языков Сычуаньского университета (Чэнду, КНР). E-mail: zolotyhlg@yandex.ru

Барышникова Елена Николаевна – доцент, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: baryshnikova-en@rudn.ru

Космачева Ольга Юрьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры современного русского языка Астраханского государственного университета им. В.Н. Татищева (Астрахань, Россия). E-mail: olga_ast@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Lidiia G. Zolotykh, Dr. Sci. (Philology), professor, professor, Sichuan University (Chengdu, China). E-mail: zolotyhlg@yandex.ru

Elena N. Baryshnikova, Cand. Sci. (Philology), docent, associate professor, RUDN University (Moscow, Russian Federation). E-mail: baryshnikova-en@rudn.ru

Olga Yu. Kosmacheva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Astrakhan State University (Astrakhan, Russian Federation). E-mail: olga_ast@list.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.08.2022;
одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 10.02.2023.*

*The article was submitted 24.08.2022;
approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 10.02.2023.*

Научная статья

УДК 811.162

doi: 10.17223/22274200/27/4

Сопоставление лексических ядер чешского и словацкого языков методом параметрического анализа словаря

Меркулова Инна Александровна¹, Маркова Елена Михайловна^{2,3}

¹ Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

² Российский государственный университета им. А.Н. Косыгина, Москва, Россия

³ Экономический университет, Братислава, Словакия

¹ igell@yandex.ru

² elena-m-m@mail.ru

Аннотация. Сопоставляется лексика чешского и словацкого языков, представленная в малых двуязычных словарях. Основной метод – параметрический анализ словаря. При совпадении базовой модели восприятия мира носителями этих языков различия проявляются во взглядах человека на природу, самого себя, в предпочтении определенного вида деятельности и т. п. Эти различия отражаются в различной вербализации означенных явлений, актуализации абстрактных номинаций, дифференциации семантики общих лексем.

Ключевые слова: лексикография, двуязычный словарь, сопоставительная лексикология, лексическое ядро, славянские языки, параметрический анализ

Для цитирования: Меркулова И.А., Маркова Е.М. Сопоставление лексических ядер чешского и словацкого языков методом параметрического анализа словаря // Вопросы лексикографии. 2023. № 27. С. 69–85. doi: 10.17223/22274200/27/4

Original article

doi: 10.17223/22274200/27/4

A comparison of Czech and Slovak lexical nuclei using vocabulary parametric analysis

Inna A. Merkulova¹, Elena M. Markova^{2,3}

¹ Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

² Kosygin Russian State University, Moscow, Russian Federation

³ University of Economics in Bratislava, Bratislava, Slovakia

¹ igell@yandex.ru

² elena-m-m@mail.ru

Abstract. The article suggests a solution to the problem of the sister languages' vocabulary comparison. The subject of research is Czech and Slovak vocabulary given in small bilingual dictionaries. The same metalanguage (Russian) of the definitions in such dictionaries makes the semantic analysis of vocabulary easy. The basic method is parametric analysis. It implies the ranking of words of a language according to four system parameters: functional, syntagmatic, paradigmatic, and epidigmatic ones. For each parameter, it is necessary to distinguish a local nucleus, which includes about 1000 words. Local parametric vocabulary nuclei make it possible to identify (1) the shortest, i.e. non-derivative and common (frequently used) vocabulary in these Slavonic languages; (2) vocabulary most commonly used in various fixed expressions and collocations; (3) vocabulary that forms the largest synonymic chains; (4) the most polysemantic vocabulary. The addition of local nuclei allows forming a big parametric nucleus. It includes words, which possess parametric weight values based on at least three parameters (out of four). For Czech, the big parametric nucleus comprises 279 words. For Slovak, it comprises 282 words. These lexical sets present the subject of the further analysis aimed at classifying the meanings of the words. At first, the authors establish that Czech and Slovak nuclei contain 61 words meaning the same in both languages. Besides, among them, there are 30 words that possess not only the same meaning but the same form as well. The big parametric nuclei do not contain false friends, i.e. words that look similar but differ in meaning. Then the authors do qualitative analysis of nuclear lexemes' semantics. They find out that, in Czech and Slovak, basic semantic groups are formally similar, but they differ in intra-group distribution. Language data illustrate the fact that such semantic groups as "Activity", "Abstract Notions", "Human Being" are the dominant semantic groups in both languages. In the Slovak big parametric nucleus, a quantitative gap between them is less perceptible than in the Czech one. Besides, the semantic group "Human Being" occupies a higher position in the Slovak parametric

nucleus. The dominance of the semantic group “Activity” and of the big parametric nucleus, as well as a negligible percent of words in the subgroup “Imitating Activity”, justifies the fact that, for Czech native speakers, not a person but a person-agent is of a particular importance. At the same time, the high percents of the semantic group “Nature” and of subgroup “A Person of Nature” prove that great attention to nature objects is a feature of Slovak native speakers’ worldview.

Keywords: lexicography, bilingual dictionary, comparative lexicology, nuclear vocabulary, Slavonic languages, parametric analysis

For citation: Merkulova, I.A. & Markova, E.M. (2023) A comparison of Czech and Slovak lexical nuclei using vocabulary parametric analysis. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 27. pp. 69–85. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/27/4

Сопоставительные исследования лексики близкородственных языков не теряют своей актуальности с момента появления «Сравнительного словаря всех языков и наречий» Петра Симона Палласа – уникального многоязычного лексикографического источника XVIII и по настоящее время, о чем свидетельствуют работы последнего десятилетия [1–7]. Данная статья посвящена рассмотрению степени близости ядерной лексики чешского и словацкого языков, которые являются близкородственными, что дополнительно осложняет ситуацию. Еще А.А. Реформатский отмечал, что «для сопоставительного метода близкородственные языки представляют особый интерес, так как соблазн отождествления своего и чужого там тоже “лежит на поверхности”, но это именно и есть та провокационная близость, преодоление которой таит в себе большие практические трудности. Особенно это относится к таким группам языков, как славянские или тюркские» [8. С. 42]. Авторы учебного пособия «Лексическая система языка» также отмечают: «Наличие тождественных лексем, которые несут разные значения, занимают разное место в лексической системе языка, делает соотношения слов в родственных языках еще более причудливыми и запутанными, чем в неродственных» [9. С. 82]. Добавим при этом – не менее интересными и продуктивными. Мнение о том, что результаты сравнения родственных языков являются существенными и для теории, и для практики, можно сказать, закрепилось в современной лингвистике.

В качестве основного метода, применяемого в исследовании, выбран параметрический анализ лексики, который с момента своего появления в 2002 г. [10] продуктивно использовался для описания лек-

стики языков различных генетических групп, что помогло сопоставлению языковых картин мира [11].

Кратко суть метода можно изложить так. Параметрический анализ лексики – это определение системного веса каждой полнозначной лексемы выбранного лексикографического источника на корпусе всех лексем. В качестве параметров отбора выступают функциональный, синтагматический, эпидигматический и парадигматический.

Таким образом, основным объектом анализа выступает лексикографический источник (словарь). И здесь может возникнуть проблема его выбора.

Язык не дан лингвисту в непосредственном наблюдении, а словарь как описание языка по необходимости является источником второго порядка, испытывающим на себе влияние субъективных факторов лексикографической работы.

Одним из источников для сопоставительных исследований могут служить одноязычные толковые словари, желательно аналогичные словарю С.И. Ожегова. Однако не всякая лексикография располагает таким словарем. Другая сложность связана с тем, что толковый словарь, как отмечал еще Л.В. Щерба, предназначен, в первую очередь, для носителей языка. Следовательно, необходимо знать все сопоставляемые языки, чтобы иметь возможность провести сравнительное исследование лексики, поскольку дефиниции в толковом словаре приводятся на языке-источнике. Обращение к одноязычным словарям, если и дает более объективные сведения, то не обеспечивает сопоставимости результатов.

Второй путь – проанализировать указанные параметры с помощью специализированных словарей (например, фразеологических для характеристики синтагматики, синонимических для характеристики парадигматики, частотных для характеристики функциональности). Очевидно, что их принципы лексикографирования отличаются разнообразием даже в пределах одной национальной традиции, что в сопоставительном аспекте приводит не к разрешению, а к усугублению проблем. И это будет не целостное, а фрагментарное описание лексико-семантической системы.

Наконец, третьим источником могут служить двуязычные словари. Именно этот тип словаря изначально использовал автор метода параметрического анализа В.Т. Титов при рассмотрении романской лексики. Двуязычный словарь, по мнению В.Н. Ярцевой, – одна из традиционных форм реализации контрастивного изучения лексики [12].

Достоинства двуязычных словарей для достижения цели нашего исследования очевидны. Во-первых, именно двуязычные словари минимизируют лексическую систему, сохраняя коммуникативно значимые единицы. Во-вторых, именно двуязычные словари играют важную роль в обучении иностранным языкам и нередко ставятся в один ряд с учебными пособиями по языку. В-третьих, эти словари имеют одинаковый метаязык, т.е. язык дефинирования – единое метаязыковое основание, которое обеспечивает качественный семантический анализ лексики.

Поскольку не все параметры представлены в двуязычном словаре в явном виде, воспользуемся косвенной их оценкой. Функциональный параметр косвенно оценивается по длине слова (чем короче слово, тем больше функциональный вес). Синтагматический параметр косвенно оценивается по количеству сочетаний в ромбовидной части словаря. Парадигматический параметр косвенно оценивается по количеству слов с одинаковой дефиницией (синонимами считаются слова, имеющие одинаковые дефиниции на русском языке). Эпидигматический параметр косвенно оценивается по числу дефиниций (значений), представленных в словарной статье данного слова.

Объектом настоящего исследования стали для чешского языка словарь Д.А. Длуги, Б.Г. Раевского, Н.Р. Буравцевой «Карманный чешско-русский и русско-чешский словарь» (М., 1984) [13], для словацкого языка словарь Д. Коллара, В. Доротьяковой, М. Филкусовой, Я. Марушиаковой «Карманный словацко-русский словарь» (М., 1984) [14]. Они совпадают по объему, году и месту издания, что позволяет обеспечить сопоставимость полученной по словарю информации.

Используя электронную версию лексикографического источника, осуществляется поэтапный отбор лексических единиц в соответствии с высокими показателями функционального, синтагматического, парадигматического и эпидигматического веса в четыре частных параметрических ядра. В результате слияния этих частных ядер получается итоговое множество – параметрическое ядро лексики словаря, в котором представлены: 1) слова с максимально богатыми системными связями, вошедшие во все четыре ядра, – это *малое параметрическое ядро лексики*; 2) слова, вошедшие в три частных ядра, – *большое параметрическое ядро лексики*; 3) слова, вошедшие в два частных, относятся к периферии большого параметрического ядра; 4) слова, представленные только в одном частном ядре. Очевидно, что 3 и 4 множества интереса не

представляют в силу немногочисленности их системных связей. Они составляют периферийную, потенциально релевантную часть лексики.

Таким образом, на подготовительном этапе перед исследователем стоят следующие задачи:

- превратить словарь в базу данных;
- осуществить параметрический анализ базы данных по четырем параметрам;
- выделить частные параметрические ядра;
- слиянием этих ядер получить интегральное (большое параметрическое) ядро языка;
- сравнить полученные ядра.

Словарь-источник в отсканированном виде превращается в базу данных, представленную как таблица Excel, что позволяет пользоваться некоторыми необходимыми возможностями этого формата (сортировка, подсчет и др.).

Частные параметрические ядра лексики, выделенные по отдельным параметрам, позволяют выявить: 1) самую короткую, т.е. непроеизводную и употребительную (частотную) лексику этих славянских языков; 2) лексику, наиболее часто используемую в различных фразеосочетаниях и предложениях; 3) лексику, образующую наиболее многочисленные синонимические ряды; 4) самую многозначную лексику.

Такая аспектная характеристика лексики может быть предметом отдельного исследования. Количественные характеристики частных ядер приводятся в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Количественный состав ядер чешского и словацкого языков

Язык/Параметр	Ядро				
	функциональное	синтагматическое	эпидигматическое	парадигматическое	большое параметрическое
Словацкий	892	618	1450	784	282
Чешский	1163	952	910	621	279

Как видим, большое параметрическое ядро (БПЯ) словаря не просто представляет собой механическую сумму количества слов в частных ядрах, а формируется на основе вхождения слова во все частные ядра с учетом его параметрического веса.

На рис. 1 представлен фрагмент базы чешского языка, его ядерная часть, слова, которые имеют показатели параметрического веса по четырем параметрам.

В дальнейшем предметом анализа будут большие параметрические ядра лексики чешского и словацкого языков. Как видно из табл. 1, большое параметрическое ядро лексики чешского языка составляет 279 слов, большое параметрическое ядро лексики словацкого языка – 282 слова.

№	Слово	Значение	Э	П	С	Ф	Σ-вес
1.	dílo	дело, работа	0,9187	0,9477	0,9717	0,8961	3,7342
2.	kraj	край, окончечность	0,9187	0,8651	0,9847	0,8961	3,6646
3.	míra	мера	0,9187	0,8651	0,9847	0,8961	3,6646
4.	bod	точка; пункт	0,9187	0,8651	0,915	0,9614	3,6602
5.	mysl	мысль	0,9187	0,8651	0,9717	0,8961	3,6516
6.	hrubý	грубый	0,9187	0,9477	0,9847	0,7582	3,6093
7.	písmo	письмо, шрифт	0,9187	0,979	0,915	0,7582	3,5709
8.	cesta	дорога, путь	0,9187	0,8651	0,9989	0,7582	3,5409
9.	číslo	номер	0,9187	0,9477	0,915	0,7582	3,5396
10.	obřat	поворот, изменение	0,9187	0,9477	0,915	0,7582	3,5396
11.	okruh	круг	0,9905	0,8651	0,915	0,7582	3,5288
12.	šilný	сильный	0,9905	0,8651	0,915	0,7582	3,5288
13.	deška	доска; плита;	0,9187	0,8651	0,915	0,7582	3,457
		пластина					
14.	pásmo	полоса ж, пояс, зона	0,9187	0,8651	0,915	0,7582	3,457

Рис. 1. Фрагмент базы (чешский язык)

В результате подсчетов было установлено, что по значению в ядрах чешского и словацкого языков совпадает 61 слово, а 30 слов из них совпадает еще и по форме (табл. 2).

Т а б л и ц а 2
Совпадения в БПЯ чешского и словацкого языков

Чешский язык		Словацкий язык	
dílo n	дело, работа	dielo s	дело (работа)
kraj m	край, окончечность	okraj m	край
míra f	мера	jednotka ž	единица (мера); часть
mysl f	мысль	myseľ ž	мысль; настроение
hrubý	грубый	hrubý adj	толстый; грубый
písmo n	письмо, шрифт	písmo s	письмо; шрифт; почерк
cesta f	дорога, путь	trať ž	путь, линия; дистанция
okruh m	круг	obvod m	окружность; округ район
pásmo n	полоса, пояс, зона	pás m	полоса; пояс, кушак; талия
těžký	тяжёлый	ťažký adj	тяжелый

Чешский язык		Словацкий язык	
prejít	перейти	prestúpiť v	переступить, перешагнуть, перейти; нарушить закон
jít	идти	ísť v	идти
dit se	происходить	vznik m	возникновение; происхождение
moc f	власть	moc ž	власть
muž m	мужчина	muž m	мужчина
roh m	рог	roh m	рог
domací	домашний	domáci adj	домашний; внутренний
boj m	бой, сражение	boj m	бой, сражение; борьба
chut' f	вкус	vkus m	вкус
rana f	удар	kop m	удар
dík m	благодарность	vd'aka l ž	благодарность
pec f	печь, печка	piecť v	печь; жарить
chod m	ход	chod m	ход
vaha f	вес	váha ž	вес
země f	земля	pôda ž	почва, земля; территория
pravý	правый	pravý adj	правый
oddíl m	отдел, отделение	odbor m	отдел, сектор (учреждения, организации)
rada f	совет, рекомендация	rada ž	совет, рекомендация
vzít se	взяться, появиться	dostaviť sa	явиться, появиться
dělat	делать, работать	vykonať v	сделать; совершить; исполнить, выполнить
melký	мелкий	jemný adj	мелкий
čtvrť f	квартал, район (города)	okres m	округ; район
klika f	ручка	rukovjať ž	рукоятка, ручка
obvod m	округ, район	obvod m	геом. окружность; округ, район; окружность
prace f	работа, труд	robotný adj	трудолюбивый, работающий; рабочий
scena f	сцена	scéna ž	сцена; театр
střed m	центр, середина	stredisko s	центр
okraj m	край	okraj m	край
pěkný	красивый, прекрасный	pekný adj	красивый, прекрасный
chrbet m	спина	chrbat m	спина
kolej f	колея, путь	koľaj ž	колея, путь
podíl m	доля, пай	diel m	часть, доля; том
rovný	прямой	rovný adj	прямой
slabý	слабый	slabý adj	слабый
dobýt	взять, завоевать, захватить	dobývať v	захватывать, завоевывать; добывать
linka f	линия	línia ž	линия

Чешский язык		Словацкий язык	
odber m	потребление	odber m	потребление
ohled m	внимание, забота	pozor l m	внимание
vydat	выдать	vydat' v	выдать; дать сдачи
jednat	поступать, действовать; обращаться	konat' v	поступать
sprava f	сообщение, известие	odkaz m	поручение, сообщение
spojení n	соединение	spojenie s	соединение; связь
listina f	бумага, документ	spis m	деловая бумага, акт
padnout	упасть	vypadnúť v	выпасть; упасть
paněnkа f	кукла	bábka ž	кукла
znamenko n	знак, значок	znak l m	знак; герб
jednotka f	единица, мера	jednotka ž	единица (мера); часть
množství n	количество	počet m	число, количество
vstoupit	войти	vojsť v	войти; поместиться, войти
zhasinat	гасить	hasiť v	гасить; тушить
vypadnout	выпасть, вывалиться	vypadnúť v	выпасть; упасть

Безусловно, совпадающие дефиниции, тем более представленные в таком упрощенном (очищенном виде), в некоторых случаях не будут гарантировать абсолютного тождества лексем. Как отмечал А.Е. Супрун, «соответствия между лексемами двух славянских языков далеко не всегда сводится к соотношению: одна лексема языка А – одна лексема языка В. Сплошь и рядом отношение сложнее...» [15]. Заметим, что и сами совпадения дефиниций могут не быть абсолютно тождественными. При нахождении общности смысла для нескольких дефиниций мы учитывали лексическую синонимию (документ – деловая бумага, акт), гипо-гиперонимические отношения (запах – аромат), словообразовательные пары (печь – печка), видовые пары (захватить – захватывать). Именно такой способ «суммирования» предлагал использовать А.Ф. Журавлев при подсчете мотивных элементов (культурно-ценностных понятий) в мифологиях мира [16. С. 16–19].

Стоит так же отметить тот факт, что слов, которые бы имели совпадения по форме, но различались по значению, не обнаружено. Это свидетельствует об отсутствии в лексических ядрах языков так называемых межъязыковых омонимов.

Проанализируем качественный состав ядер, чтобы узнать, чем наполняется лексико-семантическое пространство этих языков. Для этого обратимся к дефинициям (значениям) и распределим их по семантическим полям – максимальным классам обобщения лексической

семантики. Семантический признак, лежащий в основе семантического поля, может также рассматриваться как некоторая понятийная категория, так или иначе соотносящаяся с окружающей человека действительностью и с его опытом. При этом мы не имели априорно заданной логико-понятийной (синоптической) схемы, в которой в обобщенном виде зафиксированы наиболее существенные характеристики действительности, выраженные конкретным языком, а отталкивались от самого языкового материала – к понятиям, формируя понятийные группировки только из имеющихся в наличии лексических единиц. Ориентиром послужило распределение, предложенное в работе «Лексическая составляющая понятия “Среднеевропейский языковой стандарт”» [17]. Авторы выделяют семантические группы «первостихии» с категориями «вода», «земля», «воздух», «огонь»; «абстрактные понятия» с категориями «хронотоп» (время и пространство), «мереология» (отношение часть – целое), «признаки» (тел и субстанций); «тела» с категориями «человек», «растения», «животные» и «предметы». Категория «человек» в свою очередь делится на подклассы «человек природный», «человек психический» и «человек социальный». Витальность «человека» предполагает пять видов деятельности: «деятельность перемещающая», «деятельности приобщающая», «деятельность производящая», «деятельность преобразующая» и «деятельность имитирующая».

Проведенный анализ показал, что основные семантические группы в двух языках совпадают. В общем виде это такие группы, как «Человек», «Первостихии», «Деятельность», «Абстрактные понятия», «Артефакты», «Природа». Наглядно это показано на рис. 2.

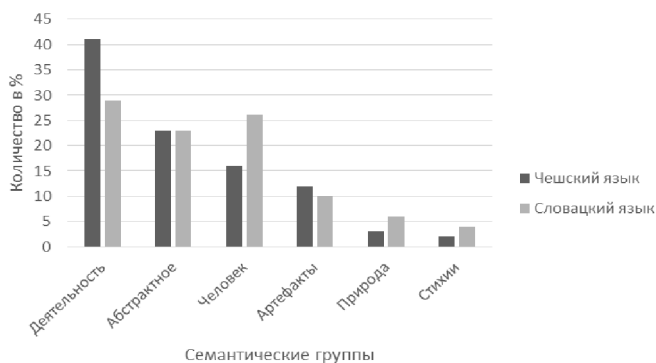

Рис. 2. Основные семантические группы в ядрах языков

Примечательно, что среди первостихий ни в ядре чешского, ни в ядре словацкого языка не представлен *воздух*.

Как видим, основное различие касается внутригруппового соотношения. И для чешского, и для словацкого языков лидирующей является группа «Деятельность», но в чешском языке ее лексемы составляют 41% ядра, а в словацком 29%. Нацеленность на дело и результат подкрепляется в чешском языке и доминантой большого параметрического ядра – существительным *dílo* – ‘дело, работа’.

Рассмотрим организацию семантической группы «деятельность». Она предполагает четыре разновидности деятельности: *производящую* – чеш. *dílo* ‘дело, работа’, *dělat* ‘делать’, *zarazit* ‘забить’, *ozvat se* ‘раздаться, прозвучать’, *provoz* ‘производство, эксплуатация’ и др., словац. *práca* ‘работа’, *činnosť* ‘деятельность’, *robiť* ‘работать, трудиться’ и др.; *перемещающую* – чеш. *obratit* ‘повернуть, перевернуть’, *pokladat* ‘класть’, *privest* ‘привести’ и др., словац. *beh* ‘бег’, *ist* ‘идти’, *vypadnúť* ‘выпасть, упасть’, *jazda* ‘езда’ и др.; *приобщающую* – чеш. *sebrat* ‘собрать’, *srojení* ‘соединение’, *výdavat* ‘выдавать’ и др., словац. *výdaj* ‘выдача’, *zobrať* ‘взять’, *dodať* ‘добавить, прибавить’, *dobývať* ‘захватывать, завоевывать’ и др.; *преобразующую* – чеш. *otvírat* ‘открывать, отпирать’, *překladať* ‘переводить’, *gvat* ‘рвать, срывать’ и др., словац. *ničiť* ‘уничтожать’, *klat* ‘колоть’, *strih* ‘покрой, фасон’, *ušiť* ‘сшить’ и др. Соотношение видов деятельности, представленных в ядрах чешского и словацкого языков, отражено на графике (рис. 3).

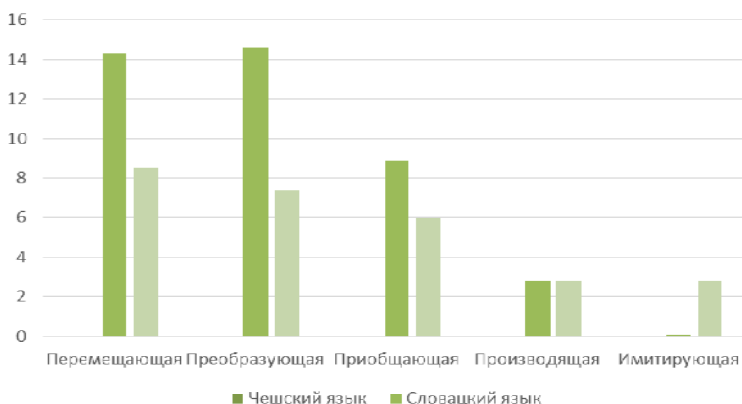

Рис. 3. Виды деятельности в БПИЯ языков, %

Через ядерную лексику чешского и словацкого языков показано стремление человека к преобразованию окружающей действительности, причем и конструктивному, и деструктивному. И, конечно, невозможно представить сегодня жизнь современного человека без движения. Идея мобильности подчеркивается высоким положением подгруппы «Перемещающая деятельность» в обоих языках. Есть и еще один вид деятельности – *имитирующая*, которая связана с игрой. Лексемы с игровыми значениями значительно преобладают в словацком ядре (hrať ‘играть’, báбка ‘кукла’, scéna ‘сцена’, šach ‘шахматы’), что подкрепляет предположение о большей значимости для носителей чешского языка человека-деятеля.

Другой группой, демонстрирующей разницу больших параметрических ядер языков, является семантическая группа «Человек». Лексемы этой группы составляют 26% ядра словацкого языка и 17% ядра чешского языка. Она также неоднородна и может быть представлена подгруппами: «Человек природный», в которую попадают соматизмы и обозначения функций человеческого тела; «Человек социальный», которую образуют наименования социальных ролей, оценок, признаков, показатели межличностных отношений; «Человек психический», которая включает слова со значениями, относящимися к психике человека.

Распределение данных подгрупп в языках представлено на графике (рис. 4).

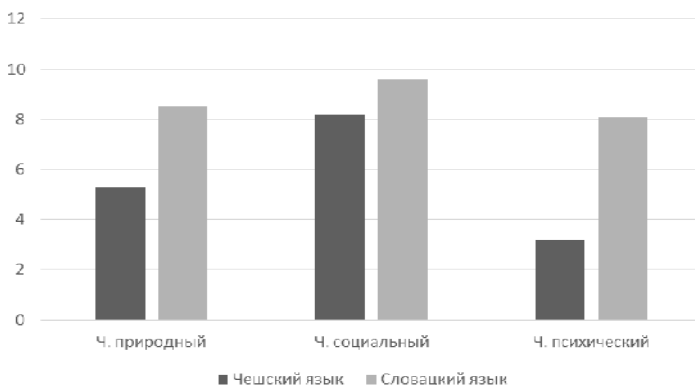

Рис. 4. Подгруппы семантической группы «Человек» в БПЯ языков, %

Как видим, интерес к человеку в большей степени проявляется в ядерных лексемах словацкого языка, причем это характерно для всех подгрупп семантической группы «Человек». Наполняемость каждой подгруппы также демонстрирует некоторую специфику ядерной лексики. Так, количество слов-соматизмов (подгруппа «Человек природный») в ядре словацкого языка преобладает. К их числу относятся: *hrdlo* 'горло', *prsia* 'грудь', *koža* 'кожа', *kost* 'кость', *hrst* 'кулак', *krčnú* 'шейный', *plece* 'плечо', *rebro* 'ребро' и близкие к ним *pádor* 'опухоль', *pulz*, *tep* 'пульс'. В ядре чешского языка имеются лишь *hlava* 'голова', *chrbet* 'спина', *obličej* 'лицо', *pata* 'пятка', *ucho* 'ухо'. Интересно, что значение 'мужчина' продублировано в ядрах обоих языков в лексемах *muž* и *pán* (чеш. *pan*).

Повышенный интерес к человеку социальному одинаково характерен для обоих языков. Именно этот семантический аспект показывает связь человека и общества. Здесь человек представлен в его социальных ролях и отношениях. Для современного общества и положения человека в нем все эти признаки чрезвычайно важны. В ядрах языков имеются слова с такими значениями, как 'мужчина', 'бригада', 'драка', 'налог', 'учреждение', 'человек', 'уважать', 'совет', 'судить', 'представитель', 'уважать', 'благодарность', 'чужой', 'конкурс', 'приказ', 'свободный', 'школа', 'дискуссия', 'борьба', 'отношение', 'оживленный, шумный', 'воевать', 'брак, супружество', 'суд' и др.

Подгруппа «Человек психический» шире представлена в словацком языке (8% против 3% в чешском языке). В нее входят лексемы *rokoj* 'покой, спокойствие', *blaho* 'счастье, блаженство', *pozornost* 'внимание', *dobro* 'добро, благо', *vôľa* 'воля', *myšlienka* 'мысль', *vtip* 'остроумие', *žart* 'шутка, анекдот', *nuda* 'скука', *prekvapenie* 'удивление, неожиданность', *jav* 'явление' и др.

Группа «Абстрактные понятия» количественно совпадает в обоих языках (23% слов ядра), но некоторые различия качественного наполнения все же есть. Сами по себе абстрактные понятия можно подразделить на три подгруппы: хронотоп (составляют значения 'время', 'пространство' и синтезирующее их 'движение'), мереология – отношение «часть – целое», признаки. Сами по себе признаки весьма разнообразны. Среди ядерной лексики обоих языков выявлены такие, как пустой, грубый, сильный, тяжелый, твердый, крутой, красивый, решительный, открытый, удобный, настоящий, опытный, благоприятный, дикий, кривой, плохой, правый, скучный, соседний и пр. При

этом тип признака фиксируется в ядрах часто посредством антонимических отношений. Так, в БПЯ чешского языка есть *silný* ‘сильный’, *rovný* ‘прямой’, *mimořadny* ‘необыкновенный’, а словацкого языка *slabý* ‘слабый’, *krivý* ‘кривой’, *běžný* ‘обычный’. В ядре словацкого языка имеется очень малочисленная (периферийная) подгруппа «Сверхъестественное», представленная двумя словами *svätý* ‘святой’, *zázrak* ‘чудо’, тогда как в ядре чешского языка эта подгруппа представлена одним словом *drak* ‘дракон’.

Различия в других группах не столь разительны и составляют 2–3%. Так, группа «Артефакты» логично преобладает в чешском ядре, так как объединяет слова со значением ‘сделанное человеком’: *besídka* ‘беседка’, *dům* ‘дом’, *fajfka* ‘галочка’, *guma* ‘резина’, *kolo* ‘колесо’, *kudla* ‘нож’, *lopatka* ‘совок’, *lžice* ‘ложка’, *oplatka* ‘вафля’, *pismo* ‘письмо’, *ramínko* ‘вешалка’, *sidlo* ‘шило’, *vzorek* ‘узор, рисунок’ и др. Заметим, что некоторые из этих слов являются наименованиями орудий труда. А вот обозначения явлений природы, представителей флоры и фауны (семантическая группа «Природа») более характерно для БПЯ словацкого языка.

Проведенный анализ показывает, что большое параметрическое ядро языка, выделенное на материале сходных лексикографических источников, может служить объектом сопоставительных исследований близкородственных языков и показать особенности языковой картины мира его носителей. Для этого необходимо перейти от количественных результатов к качественному анализу семантики ядерных лексем. При номинальном сходстве базовых семантических групп в чешском и словацком языках, их внутригрупповое распределение не совпадает. Языковой материал показывает, что лидирующие семантические группы в обоих языках – «Деятельность», «Абстрактные понятия», «Человек», при этом количественный разрыв между ними менее заметен в БПЯ словацкого языка, для которого также характерно более высокое положение группы «Человек». Особая значимость для носителей чешского языка не просто человека, а человека-деятеля подкрепляется безоговорочным лидерством семантической группы «Деятельность», доминантой большого параметрического ядра и ничтожно малым процентом слов подгруппы «Имитирующая деятельность». В то же время картину мира носителей словацкого языка характеризует повышенное внимание к натурфактам, что доказывается высокими процентами семантической группы «Природа» и подгруппы «Человек природный».

Таким образом, базовая модель восприятия мира носителями этих близкородственных языков в целом совпадает, а в частностях характеризуется спецификой. Она проявляется во взглядах человека на природу, самого себя, в предпочтении того или иного вида деятельности и рода занятия, нацеленности на конкретное дело или размышления и рассуждения, в разной актуализации абстрактных понятий.

Список источников

1. *Легурска П.* Съпоставителни анализи и национална специфика на лексиката. София : Ето, 2011. 226 с.
2. *Рахилина Е.В., Резникова Т.И.* Фреймовый подход к лексической типологии. Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.
3. *Березович Е.Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. 488 с.
4. *Вендина Т.И.* Типология лексических ареалов Славии. СПб : Нестор-История, 2014. 692 с.
5. *Маркова Е.М.* Семантическая эволюция праславянской лексики (на материале имен существительных). М. : ИИУ МГОУ, 2014. 312 с.
6. *Воеводская О.М.* Концепция идеографического словаря основного лексического фонда германских языков. Воронеж : Наука-Юнипресс, 2015. 343 с.
7. *Дронова Л.П.* Славяно-германские связи в представлении о вредном // В созвездии слов и имен. Екатеринбург, 2017. С. 67–76.
8. *Реформатский А.А.* О сопоставительном методе // Лингвистика и поэтика. М., 1987. С. 40–52.
9. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания) : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : URSS : Либроком, 2009. 172 с.
10. *Титов В.Т.* Общая количественная лексикология романских языков. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. 240 с.
11. *Дербишева З.К.* От параметрического анализа лексики к языковой картине мира // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 1. С. 19–31.
12. *Методы сопоставительного изучения языков* / отв. ред. В.Н. Ярцева. М. : Наука, 1988. 95 с.
13. *Длуги Д.А., Раевский Б.Г., Буравцева Н.Р.* Чешско-русский словарь: около 11 тыс. слов. 2-е изд., стер. М. : Сов. энцикл., 1973. 476 с.
14. *Карманный словацко-русский словарь* : 9800 слов / сост. Д. Коллар, В. Доротякова, М. Филкусова. 2-е изд., стер. М. : Сов. энцикл., 1966. 416 с.
15. *Супрун А.Е.* О комплексном подходе к построению славянской сопоставительной лексикологии // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. М. : Наука, 1994. С. 38–51.
16. *Журавлев А.Ф.* Эволюции смыслов. М. : Издательский дом ЯСК, 2016. 427 с.

17. Кретов А.А., Воеводская О.М., Титов В.Т. Лексическая составляющая понятия «Среднеевропейский языковой стандарт» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 5–16.

References

1. Legurska, P. (2011) *Comparative analysis and national specificity of vocabulary*. Sofia: Eto. (In Bulgarian).
2. Rakhilina, E.V. & Reznikova, T.I. (2013) Frame approach to lexical typology. *Voprosy yazykoznavaniya – Voprosy yazykoznavaniya – Topics in the Study of Language*. 2. pp. 3–31.
3. Berezovich, E.L. (2014) *Russkaya leksika na obshcheslavianskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian vocabulary on a common Slavic background: semantic-motivational reconstruction]. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke.
4. Vendina, T.I. (2014) *Tipologiya leksicheskikh arealov Slavii* [Typology of lexical areas of Slavia]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
5. Markova, E.M. (2014) *Semanticheskaya evolyutsiya praslavyanskoy leksiki (na materiale imen sushchestvitel'nykh)* [Semantic evolution of Proto-Slavic vocabulary (based on nouns)]. Moscow: IIU MGOU.
6. Voevodskaya, O.M. (2015) *Kontseptsiya ideograficheskogo slovaryu osnovnogo leksicheskogo fonda germanskikh yazykov* [The concept of the ideographic dictionary of the main lexical fund of the Germanic languages]. Voronezh: Nauka-Yunipress.
7. Dronova, L.P. (2017) Slavyano-germanskije svyazi v predstavlenii o vrednom [Slavic-German connections in the idea of the harmful]. In: Berezovich, E.L. (ed.) *V sozvezdii slov i imen* [In the constellation of words and names]. Ekaterinburg: Ural University. pp. 67–76.
8. Reformatskiy, A.A. (1987) *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics]. Moscow: Nauka. pp. 40–52.
9. Popova, Z. D. & Stermin, I.A. (2009) *Leksicheskaya sistema yazyka (vnutrennyaya organizatsiya, kategorial'nyy apparat i priemy opisaniya): ucheb. posobie* [The lexical system of the language (internal organization, categorical apparatus and description techniques): textbook]. 2nd ed. Moscow: URSS: Librokom.
10. Titov, V.T. (2002) *Obshchaya kvantitativnaya leksikologiya romanskikh yazykov* [General Quantitative Lexicology of the Romance Languages]. Voronezh: Voronezh State University.
11. Derbisheva, Z.K. (2021) From parametric analysis of vocabulary to the language picture of the world. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 1. pp. 19–31. (In Russian).
12. Yartseva, V.N. (ed.) (1988) *Metody sopostavitel'nogo izucheniya yazykov* [Methods of comparative study of languages]. Moscow: Nauka.
13. Dlugi, D.A., Raevskiy, B.G. & Buravtseva, N.R. (1973) *Cheshsko-russkiy slovar': okolo 11 tys. slov*. [Czech-Russian dictionary: about 11 thousand words]. 2nd ed. Moscow: Sov. entsikl.

14. Kollar, D., Dorotyakova, V. & Filkusova, M. (1966) *Karmannyy slovatsko-russkiy slovar': 9800 slov* [Pocket Slovak-Russian dictionary: 9800 words]. 2nd ed. Moscow: Sov. entsiklopediya.

15. Suprun, A.E. (1994) О комплексном подходе к построению славянской сопоставительной лексикологии [On an integrated approach to the construction of Slavic comparative lexicology]. In: Neshchimenko, G. (ed.) *Teoreticheskie i metodologicheskie problemy sopostavitel'nogo izucheniya slavyanskikh yazykov* [Theoretical and methodological problems of comparative study of Slavic languages]. Moscow: Nauka. pp. 38–51.

16. Zhuravlev, A.F. (2016) *Evolutsii smyslov* [The evolution of meanings]. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK.

17. Kretov, A.A., Voevodskaya, O.M. & Titov, V.T. (2015) Lexical component of the concept "Central European Language Standard". *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 3. pp. 5–16. (In Russian).

Информация об авторах:

Меркулова Инна Александровна – д-р филол. наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия). E-mail: igell@yandex.ru

Маркова Елена Михайловна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Москва, Россия); профессор кафедры романских и славянских языков Экономического университета (Братислава, Словакия). E-mail: elena-m@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Inna A. Merkulova, Dr. Sci. (Philology), associate professor, Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation). E-mail: igell@yandex.ru

Elena M. Markova, Dr. Sci. (Philology), professor, Kosygin Russian State University (Moscow, Russian Federation); professor, University of Economics in Bratislava (Bratislava, Slovakia). E-mail: elena-m@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.08.2022;
одобрена после рецензирования 24.11.2022; принята к публикации 10.02.2023.*

*The article was submitted 24.08.2022;
approved after reviewing 24.11.2022; accepted for publication 10.02.2023.*

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Научная статья
УДК 811.161.1'374.3
doi: 10.17223/22274200/27/5

Идеографический словарь архитектурно-дизайнерской терминологии русского языка

Мацкевич Нина Александровна^{1,2}, Щитова Ольга Григорьевна³

^{1,3} *Национальный исследовательский*

Томский политехнический университет, Томск, Россия

² *Томский государственный архитектурно-строительный университет,
Томск, Россия*

^{1,2} *nina.a.matskevich@gmail.com*

³ *shchitova2010@mail.ru*

Аннотация. Представлен проект идеографического словаря русской архитектурно-дизайнерской терминологии, адресованного лингвистам, специалистам-дизайнерам и студентам направления подготовки «Дизайн архитектурной среды». Обоснованы тип словаря и принципы лексикографической паспортизации терминологии, в том числе новейшей, заимствованной из других языков в XXI в. Описаны источники, макро- и микроструктура словаря; рассмотрены типы дефинирования, приведены примеры словарных статей.

Ключевые слова: идеографический словарь, терминология, дизайн архитектурной среды, дефиниционный анализ, словарь профессиональной лексики

Для цитирования: Мацкевич Н.А., Щитова О.Г. Идеографический словарь архитектурно-дизайнерской терминологии русского языка // Вопросы лексикографии. 2023. № 27. С. 86–104. doi: 10.17223/22274200/27/5

Original article

doi: 10.17223/22274200/27/5

Ideographic dictionary of architecture and design terminology of the Russian language

Nina A. Matskevich^{1, 2}, Olga G. Shchitova³

^{1, 3} National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

² Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russian Federation

^{1, 2} nina.a.matskevich@gmail.com

³ shchitova2010@mail.ru

Abstract. The article discusses reasons for compiling a dictionary of architectural and design terms in the Russian language. The topicality of creating it is connected with the brisk growth of design activity, the branching out of a new training program, Design of Architectural Environment, and the absence of a linguistic terminological dictionary of this professional sphere. The aim of the article is to describe the conception of an ideographic dictionary of Russian architectural and design terminology. The dictionary is based on the special language of architecture and design selected from terminological reference books, educational materials and research literature, commercial catalogues, professional weblogs, websites, and e-commerce sites. The dictionary defines not only terms, but also terminoids, preterms and quasi-terms, and pays special attention to the foreign terminological units and neologisms. This is caused by the under-investigated functional lexis of the architectural environment design sphere, variability and movability of its concepts and terms. The research methods and techniques used in the study are: the lexicographical method with the research techniques of thematic (ideographic) arrangement, definition, componential and contextual analyses. The chosen type of an ideographic dictionary defined its marco-structure: it is represented by a system of thematic groups, subgroups and microgroups, contributes to the development of a holistic professional worldview, and facilitates work with the dictionary. The microstructure shows the content of a lexical entry including core and optional components as well as its design. The core components include the headword with its variants, their stresses and pronunciation features, information on the word's grammar, its definition and examples of its usage in professional speech. The optional components (etymology, derivatives, terminological collocations with the headword, analogues, synonyms and illustrations) are used as supplementary characteristics of a lexical item if available. Definitions are made by the principle of generic, genetic, operational and contextual explanations with elements of encyclopedic information. The dictionary is intended for linguists, terminologists, students and teachers of the

disciplines of the Design of the Architectural Environment training programs, and is of interest to professionals in this field.

Keywords: ideographic dictionary, terminology, design of architectural environment, definition analysis, dictionary of functional lexis

For citation: Matskevich, N.A. & Shchitova, O.G. (2023) Ideographic dictionary of architecture and design terminology of the Russian language. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 27. pp. 86–104. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/27/5

Введение

Одним из активно развивающихся в настоящее время направлений лексикографии является терминография, которая играет особую роль в нормализации языка для специальных целей. В 1964 г. британские лингвисты М. Халлидей, А. Макинтош и П. Стивенс опубликовали работу *The linguistic sciences and language teaching*, в которой призывали уделить более пристальное внимание лексике учебного материала отдельных областей знания [1. С. 189–190]. В исследовании рассмотрено применение профессионального языка с позиции его преподавания. В 1990-е гг. появилось значительное количество работ по профессиональному дискурсу разных областей знания: по экономике (Henderson, Dudley-Evans и Blackhouse, 1993; Gunnarson, 1997), биологии и медицине (Salager-Meyer, 1997; Atkinson, 1999; Valle, 1999) [2. С. 64] и др. Создание терминологического словаря необходимо для обучения профессии так же, как и для овладения навыками профессионального общения.

В конце XX – начале XXI в. в российских вузах открыто новое направление подготовки – «Дизайн архитектурной среды», задачей которого стало синтезирование знаний и умений профессий архитектора и дизайнера. В связи с этим актуальной проблемой данной области остается недостаточная изученность терминологии и неоднозначность в понятийном аппарате сферы дизайна архитектурной среды [3. С. 58]. Поэтому очевидна необходимость наиболее полного лингвистического описания и систематизации архитектурно-дизайнерской терминологии.

Предлагается проект словаря, отличающийся от уже имеющихся лексикографических источников. В работе Г.Г. Нугмановой «Словарь архитектурных терминов» (2007), хронологически охватывающей развитие русской архитектуры с древнерусского периода до начала

XX в., а также в словаре «Термины русского архитектурного наследия» (1995) В.И. Плужникова не отражены термины XXI в. Данные лексикографические труды, как и «Иллюстрированный словарь архитектурных терминов» (2009) Т.В. Смолиной, «Толковый словарь архитектурных терминов» (2015) С.Г. Охлябиной, адресованы студентам специальности «Архитектура» и реставраторам. Интернет-источники, такие как «Словарь дизайнера интерьера» (2022) А. Андрияновой и подобные не являются учебными и построены по алфавитному принципу. «Архитектурный дизайн. Словарь-справочник» Е.С. Агранович-Панамаревой адресован студентам специальностей не только «Архитектура», но и «Архитектурный дизайн», носит энциклопедический характер и обладает безусловной ценностью для нашего исследования. Уникальность проекта предлагаемого нами словаря состоит в том, что он носит лингвистический характер, содержит актуальную в XXI в., в том числе новейшую, терминологию профессиональной сферы «Дизайн архитектурной среды», не зафиксированную в словарях и упорядоченную по тематическому принципу.

Целью данной работы является обоснование проекта идеографического словаря архитектурно-дизайнерской терминологии русского языка (далее – ИСАДТ).

Научная новизна разработанного проекта словаря терминологии сферы «Дизайн архитектурной среды» обусловлена отсутствием лингвистических словарей специальной лексики данной профессии. В проектируемом словаре впервые осуществляется лексикографическая параметризация терминологических единиц, учитывающая их фонетические, акцентологические, грамматические, семантические и иные лингвистические характеристики; идеографический порядок подачи материала отражает систему знаний о профессии, логические связи понятий. В словарь вошли специальные номинации, не зафиксированные в имеющихся терминологических словарях, Национальном корпусе русского языка [4. С. 71].

В работе применены следующие *методы и приемы исследования* терминологии: основным является лексикографический метод, в рамках которого использованы приемы тематической (идеографической) систематизации, дефиниционного, компонентного и контекстного анализов. Эмпирический материал для идеографического словаря архитектурно-дизайнерской терминологии отбирался приемом сплошной выборки из профессиональных текстов. Применяемый в работе

над словарем лингвистический прием дефиниционного анализа способствует формированию методологического аппарата сферы архитектурного дизайна. Целью данного анализа является выделение «в семантической структуре слова, отраженной в дефиниции толкового словаря, элементарных единиц содержательного плана» [5. С. 143]; дефиниционный анализ состоит из следующих этапов: 1) определения рода/класса, к которому относится объект; 2) выявления видовых признаков, присущих данному объекту, в отличие от других объектов этого класса. С дефиниционным тесно связан компонентный анализ, позволяющий выделить в семантике слова минимальные компоненты лексического значения и в результате сопоставления плана содержания нескольких слов обнаружить интегральные и дифференциальные семы для дальнейшего дефиниционного анализа. С помощью контекстного анализа производилась верификация значения терминологических номинаций, в том числе незафиксированных в нормативных терминологических словарях, а также подбор актуализирующих контекстов и эквивалентных наименований (синонимов и соответствий) для словарных статей.

Концепция словаря

Цель создания «Идеографического словаря архитектурно-дизайнерской терминологии русского языка» – представить в систематизированном виде терминологические единицы профессиональной сферы «Дизайн архитектурной среды»: дать им фонетическую, грамматическую, семантическую характеристики, проиллюстрировать их употребление в профессиональных текстах, отразить терминообразующий потенциал, деривационную активность, системные отношения.

Назначение словаря. Словарь предназначен лингвистам-терминоведам, интересующимся терминологией дизайна архитектурной среды, дизайна и архитектуры; специалистам в области дизайна среды и архитектуры, студентам и преподавателям дисциплин направления подготовки «Дизайн архитектурной среды».

Выбор типа словаря зависит не только от объекта и цели лексикографирования, но и *адресата*. Проведенный анализ классификаций и типологии словарей, осуществленных отечественными лингвистами (Л.В. Щербой, В.Ф. Роменской, З.И. Комаровой, В.В. Дубичинским,

А.С. Гердом, И.С. Куликовой, Д.В. Салминой, В.М. Лейчиком, Ю.С. Масловой, В.Д. Табанаковой, М.А. Ковязиной) и зарубежным лексикографом Р.Р.К. Хартманом, указывает на то, что в современных классификациях и типологиях применен антропоцентрический подход [6. С. 112]. Считается, что идеальные словари должны быть ориентированы на круг пользователей с общими профессиональными интересами, но нельзя оставить без внимания и потребности других групп людей, необходимо учитывать их при проектировании словаря и словарных статей [7. С. 118].

«Идеографический словарь архитектурно-дизайнерской терминологии русского языка» относится к типу филологических одноязычных отраслевых нормативных толково-энциклопедических словарей терминологии с идеографическим принципом расположения лексического материала.

Материал и его источники. В состав Словаря входят специальные номинации сферы «Дизайн архитектурной среды», прежде всего термины. Терминология – это «естественно сложившаяся совокупность терминов определенной области знания или ее фрагмента» [8. С. 16]. Мы принимаем позицию Н.В. Сербиновской: в состав терминологии, помимо терминов, входят другие единицы терминологической номинации: квазитермины, предтермины и под. [9. С. 19]. При анализе терминологии, включенной в ИСАДТ, особое внимание уделяется *иноязычным неологизмам* в языке развивающейся профессиональной сферы – лексическим единицам, обозначающим новые понятия, новейшие технологии, появившиеся в результате кросскультурного взаимодействия [10. С. 50]. В процессе ассимиляции в языке-реципиенте иноязычные термины могут проникать из одной терминосферы в другую либо становиться общеупотребительными словами [11]. Поскольку дизайн архитектурной среды является относительно новой отраслью знания, его лексика характеризуется динамичностью и нуждается в упорядочивании. Поэтому представляется целесообразным включить в содержание проектируемого Словаря не только термины, но и названные выше типы специальных лексических единиц.

Источниками для Словаря послужили терминологические издания (архитектурные и дизайнерские словари, научные публикации по проблемам архитектурно-дизайнерской терминологии); учебники и учебные пособия по данной специальности; нетерминологические издания (коммерческие каталоги, статьи, рекламные тексты и матери-

алы профессиональных сайтов, блогов, интернет-магазинов). Общий объем материала составляет более 950 терминоединиц.

Макроструктура словаря. Макроструктура терминологического словаря включает в себя предисловие, словарные статьи, список источников, список сокращений, принятых в словаре, тематический и алфавитный указатели, содержание. В предисловии представлена общая структура словаря, его предназначение, особенности использования. Далее расположены словарные статьи, организованные как система тематических групп, подгрупп и микрогрупп; внутри каждой подгруппы/микрогруппы соблюдается алфавитный порядок расположения терминов. Из соображений удобства пользования в конце ИСАДТ помимо тематического указателя приведен и алфавитный индекс-словник.

Словарь идеографического типа представляет специальные номинации в систематизированном виде по семантическому и тематическому основаниям, отражает системный характер терминосистемы, а «принцип системности соответствует особенностям организации когнитивной системы человека и ментального лексикона» [12. С. 172]; (см. также [13, 14]). Поэтому данный тип словаря способствует формированию профессиональной картины мира у студентов и удобен в использовании для специалистов предметной области дизайна архитектурной среды. Макроструктура идеографического словаря представлена иерархически организованной системой тематических групп «Дизайн интерьера» и «Дизайн открытого архитектурного пространства» и подгрупп. Тематическая группа 1. «Дизайн интерьера» включает три подгруппы: 1.1 «Интерьерные стили и направления» (*бохо, кантри, китч, лофт, пин-ап, поп-арт, техно, хай-тек, фьюжн, японский стиль*), 1.2 «Декорирование интерьера» (*батик, баухауз, брендинг, блэкаут, витраж, жаккард, золочение, кракелюр, молдинг, патинирование, флип-чарт, флок, фотовитраж, шебеке, шенилл, шибори, шинуазри*), 1.3 «Зонирование интерьера» (*аквариум-ширма, машрабия, лофт-перегородка, фальш-стена, ширма*). Тематическая группа 2. «Дизайн открытого архитектурного пространства» состоит из трех подгрупп: 2.1 «Дизайн городской среды» (*малая архитектурная форма, паранет, пандус, суперграфика*), 2.2 «Ландшафтный дизайн» (*абрис, альпинарий, боскет, бульвар, гидропарк, квинкус, кен-конс, рекультивация, террасирование*), 2.3 «Экодизайн архитектурной среды» (*арборархитектура, бионика, геоархитектура, солнечная*

стена, умный дом и др.) и др. Большинство из этих подгрупп разделены на тематические микрогруппы.

Микроструктура словаря. Словарная статья состоит из таких компонентов, как:

А) заголовочная единица в ее исходной форме, снабженная ударением и указанием на особенности произношения; варианты терминологической единицы;

В) грамматические сведения о слове;

С) этимологические сведения для единиц иноязычного происхождения;

Д) толкование номинации (лингвистическое, в случае необходимости с элементами энциклопедического комментария);

Е) примеры употребления термина;

Ф) терминообразующий потенциал (словосочетания и композиты, образованные на базе заголовочного слова);

Г) дериваты (после пометы «Дрв.»);

Н) аналоги или синонимы, соотносительные с данным словом;

И) иллюстрация.

Зоны (С), (Ф), (Г), (Н), (И) факультативны, заполняются при наличии и необходимости соответствующей информации.

А. *Заголовочная единица* дается в ее начальной форме. Для существительных это форма именительного падежа единственного числа или множественного числа для существительных, употребляющихся только во множественном числе; для прилагательных это форма именительного падежа единственного числа мужского рода. Для более удобного восприятия информации заголовочная единица пишется с абзаца прописными буквами и выделяется полужирным шрифтом. Она снабжена ударением; в сложном слове при необходимости указывается основное и дополнительное ударение, например: **ШЕ́ББИ-ШЫ́К**. Особенности произношения слова или отдельного слога указываются в квадратных скобках после заголовочной единицы: **ТЕ́РМОЖАККА́РД** [тэ/те].

Формальные варианты лексемы указываются после знака /. По отношению к терминологическим преобладают графические варианты терминов иноязычного происхождения, представленные в русской и латинской графике: ДЖАПАНО́РДИК/JAPANORDIC (стиль интерьера), КО-РИА́Н/CORIAN (отделочный материал), ПЛЕКСИГЛА́С/PLEXIGLAS (оргстекло). Кроме этого, наблюдаются так называемые орфографиче-

ские варианты, у которых встречается дефисное, слитное и/или раздельное написание: ФАЛЬШ-СТЕНА/ФАЛЬШ СТЕНА и под. (подробнее о формальных вариантах терминов см. [15]).

В. *Грамматические сведения* содержат информацию об основных формах термина: для склоняемых существительных это флексия родительного падежа единственного числа или множественного числа – для существительных *pluralia tantum*; для склоняемых прилагательных это окончания женского и среднего родов, для глаголов это формы 1-го и 3-го лица единственного числа. Далее через запятую указывается род существительного: *м.* – для существительного мужского рода, *ж.* – женского, *ср.* – среднего. Также используются следующие пометы: *нескл.* – для несклоняемых существительных; *только ед. ч.* – для существительных *singularia tantum*, *только мн. ч.* – для существительных *pluralia tantum*. Для лексических единиц, выраженных словосочетаниями, указываются морфологические признаки существительного – главного слова словосочетания. Приведем примеры грамматических помет:

ДЕКУПÁЖ, а, *м.*; КОНТЁМПОРАРИ, *нескл., м.*; ПРОВÁНС, а, *только ед. ч., м.*; ДЕКОРАТИВНЫЙ, ая, *ое*; ИНКРУСТИРОВАТЬ, рую, рует.

С. *Этимологические сведения* факультативны и даются в скобках для русского термина иноязычного происхождения с указанием источника заимствования и иностранного слова-прототипа с его переводом на русский язык, что помогает лучше понять и усвоить значение термина. В некоторых случаях предпринята попытка проследить путь вхождения в русский язык заимствованных слов. Например: ВÁБИ-СА́БИ/ВАБИСАБИ... (яп. 侘び寂び ‘неброская простота и скрытое совершенство’ [16]); ШЁББИ-ШÍК / ШЁББИ ШÍК... (англ. shabby chic ‘потертый шик; название стиля в интерьере’) [17] и др.

Д. *Толкование слова* сочетает принципы дефинирования, дополненные в случае необходимости элементами энциклопедического комментария. Энциклопедический комментарий может быть включен в толкование лексической единицы либо занимает отдельную зону после лингвистического толкования.

Одним из важных аспектов создания словаря является дефинирование лексических единиц. Н.Г. Комлев полагает, что дефиниция – это «краткое объяснение (толкование) одного слова или понятия дру-

гим словом с более широким значением (понятием) и указанием на существенные различительные признаки объекта» [18. С. 146]. Более точное определение данного термина, на наш взгляд, представлено Г.Н. Ловцевич, которая характеризует дефиницию как «словарное логическое определение понятия с целью выявления границы, отделяющей параметры, охватываемые данным понятием, от смежных с ним понятий» [19. С. 53]. Так, специальные лексемы *брутализм*, *шебби-шик* являются наименованиями стилей дизайна интерьера, каждый из которых имеет ряд признаков, позволяющих отграничить их от обозначений других стилей дизайна интерьера:

БРУТАЛИЗМ ... Стиль в дизайне интерьера, сочетающий функциональность, простор, роскошь, воплощенные с помощью необработанного бетона, дерева, стекла, металла с минимальным количеством аксессуаров, мебелью прямоугольной формы, абстрактных картин, панно из металла.

ШЕББИ-ШИК ... Стиль в дизайне интерьера, сочетающий искусственно состаренную/старинную мебель и элементы декора в нежных пастельных тонах.

Термины, относящиеся к одной тематической группе, как правило, начинаются с обобщающей их части и заканчиваются уточняющей информацией об индивидуальных особенностях конкретного понятия. Например:

ИНКРУСТАЦИЯ ... Техника декорирования поверхности предметов интерьера [обобщающая информация] вставками из различных материалов для создания плоских невыпуклых орнаментов [уточняющая информация – дифференциальные признаки].

В XX в. в теории и практике лексикографии происходило разграничение между филологическими и энциклопедическим словарями, но постепенно энциклопедический комментарий вошел в словарную статью филологического словаря [20. С. 88]. Словарь, проект которого представлен в данной работе, является толковым с элементами энциклопедического комментария и сочетает соответствующие принципы дефинирования. Например, рассмотренную выше лингвистическую дефиницию номинации *шебби-шик* целесообразно дополнить энциклопедической информацией, поместив ее в скобки:

ШЕББИ-ШИК ... Стиль в дизайне интерьера, сочетающий искусственно состаренную/старинную мебель и элементы декора (патину, кружева, борки, ангелочки, тонкие полоски или клетку, пасторальные моти-

вы и под.) в нежных пастельных тонах (нежно-розовом, светло-голубом, айвори).

Обратимся к принципам дефинирования, принятым в ИСАДТ. Типы дефиниций различаются в зависимости от оснований классификации. По способу раскрытия содержания выделяют дефиниции *явные* (разъясняющие признаки, характерные для предмета) и *неявные* (устанавливающие отношения между определяемым предметом и другими предметами) [21. С. 35–38; 22. С. 10]. К явным дефинициям относятся *родовидовые* («в которых выделяется родовое понятие (т.е. понятие, являющееся родовым для того понятия, которое определяется) и его видовой признак, позволяющий вычленить соответствующее видовое понятие и объявить его значением определяемого термина» [23. С. 37] и которые одновременно фиксируют родовидовые отношения и цело-частные (партитивные) [24. С. 182]); *генетические* (раскрывающие происхождение или способ создания предмета) [25], *операциональные* (указывающие на некоторую операцию, посредством которой может быть обозначено отличие дефинируемого объекта от других предметов) [24. С. 67; 26. С. 154], *перечислительные* («толкование с помощью перечислительных конструкций, отдельные члены которых представлены “квазисинонимическими” единицами» [24. С. 353], определение понятия перечислением «элементов, входящих в него как видовые его представители» [21. С. 37]).

В ИСАДТ используются следующие виды явных дефиниций:

– родовидовые: **ЦВЕТОЧНАЯ ГИРЛЯНДА**, *ы, жс*. Элемент праздничного декора, флористическая композиция в форме ленты из растительного натурального/искусственного материала: листьев, цветов, бумаги, дерева, ткани, пластика и под. (В данном определении родовое наименование – *элемент декора*, остальные перечисленные признаки являются дифференциальными.) Родовидовая дефиниция является универсальной и способна описать многие понятия (за исключением терминов, имеющих единичные или очень обширные понятия, так как они, как правило, не относятся к каким-либо категориям и не имеют рода и вида);

– генетические: **ГОРЯЧЕЕ ТИСНЕНИЕ** ... Техника декорирования мебели, элементов декора путем вдавливания клише для тиснения с желаемым узором при пропускании деревянной, берестяной заготовки через горячий вал тиснильного станка;

– операциональные: **ФАЛЬШ-СТЕНА́** ... Декоративная перегородка, выполняющая функцию зонирования помещения;

– перечислительные: **ФЛОК** ... Нетканое полотно, состоящее из *основы*, изготовленной из хлопка, нейлона или полиэстера, и *ворса* из искусственных нитей или хлопка, шерсти на лицевой стороне... (В данной дефиниции перечисляются обязательные элементы: *основа* и *ворс*).

Контекстуальные дефиниции относятся к группе неявных дефиниций, не обладающих строгой структурой, они способны раскрыть содержание понятия через предлагаемый контекст [26]. Данный тип дефинирования используется преимущественно для введения энциклопедической информации: **ШЕНИ́ЛЛ** ... *Плотная и прочная ткань с пушистой фактурой. Шенилловые ткани используются в качестве декоративного и обивочного материала в производстве мебели* [3. С. 61].

Синонимические дефиниции редко используются в терминологическом словаре ИСАДТ для толкования специальной лексики. Это возможно в процессе лексикографического описания терминов, предтерминов и квазитерминов, которые не соответствуют критерию термина – отсутствия синонимов.

Исходя из того, что какой-либо один вид дефиниции часто недостаточно явно раскрывает понятие термина, в данном словаре представлены также дефиниции синкретичного типа, сочетающие, например, родовидовую и перечислительную дефиниции: **ДЖАПАНОРДИК/JAPANORDIC**, а, м. (англ. Japanordic < англ. Japan ‘Япония’ и Nordic ‘страны Скандинавии’). Стиль дизайна интерьера, сочетающий в себе элементы японского стиля ваби-саби и скандинавского нордик, воплощенные в строгости, функциональности предметов, дереве теплых пород, металлических конструкциях с шершавым, порошковым покрытием, множестве черных аксессуаров, несовершенстве форм, отсутствии синтетических материалов и искусственной растительности. *Иногда в интерьере джапанордик можно увидеть индустриальные нотки, например, обилие черного и его соседство с металлическими деталями, темная палитра в отделке и декоре.*

Е. *Примеры употребления слова* в речи обозначены курсивом и представляют цитату из профессиональных источников. Далее в скобках содержится ссылка на источник цитирования. Например:

БЛЭКАУТ ... *Выбирая шторы блэкаут белые глянцевые или матовые, можно совершенно преобразить интерьер и подчеркнуть общую стилизацию* (masterinterera.ru/shtory-blekaut/).

Ф. *Терминообразующий потенциал* заголовочной единицы отражен в новых терминах, имеющих в своем составе данное слово. Эти производные термины – словосочетания и композиты – выделены полужирным шрифтом. Например:

АЛЛЕЯ ... Кольцевая аллея, обзорная аллея, прогулочная аллея;
БАТИК ... Горячий батик, холодный батик; **ФОНТАН** ... Фонтан-завеса, фонтан-линза; **ХЮГГЕ** ... Мебель-хюгге, декор-хюгге (подробнее о хюгге [4. С. 72]).

Г. *Дериваты*. Если термин деривационно активен, то дериваты, образованные на базе заголовочной единицы, приводятся курсивом после сокращения «Дрв.»:

ЛОФТ ... Дрв.: *лофтовый* (подробнее см. [27. С. 72]).

Н. *Синонимы и аналоги заголовочной единицы*. При наличии синонимов у одного понятия в качестве заголовочного слова выступает более употребительное слово, синонимы и аналоги приводятся после метки ||. Каждый из синонимов представлен отдельной словарной статьей со ссылкой на наиболее употребительную номинацию. Например: **МАШРАБИЯ** ... || Рушан, шаншул; **СИБОРИ** ... || Тай-дай.

Аналогом является словосочетание по отношению к однословной номинации или однословное наименование по отношению к неоднословному: **АМПІР** ... || имперский стиль; **ПЕСКОСТРУЙ** ... || пескоструйная обработка.

В качестве аналога по отношению к терминологическому словосочетанию выступает также разговорная номинация:

ПЕСКОСТРУЙНАЯ ОБРАБОТКА ... || Разг. пескоструйка. Ср. контекст: *Пескоструйная обработка стекла (в народе – «пескоструйка») представляет собой метод декорирования стеклянных и зеркальных поверхностей.*

І. *Иллюстрация*. Словарная статья дополняется иллюстрацией, которая несет вспомогательную энциклопедическую функцию и дает возможность читателям визуализировать объект интерпретации [28. С. 256]. Иллюстрация располагается рядом со словарной статьей и особенно полезна для студентов, начинающих изучать дизайн среды.

Заключение

Идеографический словарь архитектурно-дизайнерской терминологии представляет в систематизированном виде находящуюся на стадии формирования терминологию профессиональной сферы «Дизайн архитектурной среды». Для адекватного формирования научной картины мира студентов названной специальности в словаре осуществлен идеографический принцип подачи терминологического материала.

В словаре систематизированы *термины*, зафиксированные в различных словарях, справочниках, учебной литературе (учебниках, методических пособиях, лекциях и др.), коммерческих каталогах магазинов и дизайнерских услуг: *абрис, аллея, ампир, батик, барраж, билборд, готика, пандус* и мн. др. В связи с активной неологизацией архитектурно-дизайнерской терминологии в словарь включены новейшие термины, в том числе иноязычного происхождения, не отмеченные в авторитетных терминологических словарях и Национальном корпусе русского языка, но функционирующие в научных публикациях, коммерческих каталогах, любительских энциклопедиях: *арборархитектура, барнхаус, био-тек, бохо, кориан, лофт, термोजаккард, скотчгард, умный дом (smart house), хюгге, шоу-рум* и др. Кроме терминов, в словарь вошли специальные единицы, не обладающие всеми свойствами терминологическим, но необходимые в общении специалистов, активно функционирующие в речи дизайнеров архитектурной среды, в текстах профессиональных блогов, сайтов, интернет-магазинов и имеющие возможность в ближайшее время перейти в разряд терминов (*ваби-саби, джапанордик, опенспейс, сканди* и др.).

Лексикографическая репрезентация терминов включает описание их фонетических, грамматических, семантических особенностей; иллюстрацию их употребления в профессиональных текстах, представление терминообразующих и деривационных возможностей, а также системных отношений.

Идеографический словарь архитектурно-дизайнерской терминологии адресован студентам и преподавателям дисциплин направления подготовки «Дизайн архитектурной среды», представляет интерес для профессионалов данной сферы деятельности, а также для лингвистов-терминологов. Данная работа способствует решению проблем профессиональной коммуникации, формированию терминологической компетенции студентов.

Список источников

1. Halliday M.A.K., Stevens P., McIntosh A. The linguistic sciences and language teaching. London : Longman, 1964. 322 p.
2. Swales J.M. Language for specific purposes. Annual Review of Applied Linguistics. Cambridge University Press, 2000. Vol. 20. P. 59–76.
3. Мацкевич Н.А., Щитова О.Г. Моделирование терминологического поля «Дизайн интерьера»: логико-понятийный аспект // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. № 3 (215). С. 58–68.
4. Мацкевич Н.А. Проект словаря русской архитектурно-дизайнерской терминологии // Лексикография цифровой эпохи : сборник материалов Междунар. симп. (24–25 сентября 2021 г.). Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2021. С. 70–73.
5. Моисеев М.В. Применение дефиниционного анализа в лингвокультурологическом исследовании // Вестник Омского университета. 2010. № 3. С. 142–148.
6. Попова Л.В. Типологии и классификации словарей // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 20 (274). С. 106–113.
7. Кудашев И.С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики. Monographs 3. Helsinki : Helsinki University Translation Studies, 2007. 443 с.
8. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студентов вузов. М. : Академия, 2008. 304 с.
9. Сербиновская Н.В. Терминологическое поле «Маркетинг» в русском языке. Новочеркасск : Южно-Российский государственный политехнический университет, 2009. 234 с.
10. Трофимова Н.А., Щитова О.Г. Новейшие заимствования в русской строительной терминологии XXI века // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 50–61. doi: 10.17223/15617793/470/6
11. Щитова О.Г. Функционально-стилевая миграция заимствований как один из критериев их ассимиляции в языке-реципиенте // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 102–108.
12. Плотникова А.М., Слаутина М.В. Идеографические словари в практике преподавания лингвистических дисциплин // Перспективы науки и образования. Международный электронный научный журнал. 2019. URL: projournal.worldpress.com/archieve19/19-06/ (дата обращения: 05.07.2021).
13. Трофимова Н.А. Русская специальная лексика строительства: терминографический аспект // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 1 (219). С. 23–32. doi: 10.23951/1609-624X-2022-1-23-32
14. Щитова О.Г., Трофимова Н.А. Когнитивно-фреймовое моделирование терминосистемы предметной области «Строительные материалы» в русском языке XXI века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 1 (219). С. 65–75. doi: 10.23951/1609-624X-2022-1-65-75
15. Денико Р.В., Щитова О.Г. Формальное варьирование терминов сферы сетевых технологий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2015. № 3 (27). С. 104–109. doi: 10.15688/jvolsu2.2015.3.14
16. Русско-японский словарь Yakuru. [Б. м.], 2008–2022. URL: <http://yakuru.net> (дата обращения: 28.01.2022).

17. *Словарь* Мультитран. [Б. м.], 2001–2021. URL: <https://www.multitrans.com/> (дата обращения: 22.02.2022).
18. *Комлев Н.Г.* Словарь иностранных слов. М. : Эксмо, 2006. 672 с.
19. *Ловцевич Г.Н., Трифонов А.С.* Дефиниция термина в рамках традиционного и социокогнитивного подходов в терминоведении // Теоретическая и прикладная лингвистика. Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2016. Т. 2. № 1. С. 50–62.
20. *Воронцов Р.И.* Толковый словарь большого типа как инструмент описания имен собственных / Слово. Словарь. Словесность: Динамические процессы в языке, речи и слове (к 50-летию издания академического «Словаря современного русского литературного языка») : материалы Всерос. науч. конф. СПб. : САГА, 2015. С. 88–92.
21. *Ахметбекова А.М.* Лексикографические и метатекстовые характеристики терминологической дефиниции : дис. ... д-ра филос. наук. Алматы, 2014. 122 с.
22. *Зарва А.М.* Дефиниция как типологическая разновидность научного текста : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Нальчик, 2003. 20 с.
23. *Шелов С.Д.* Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2003. 280 с.
24. *Шелов С.Д.* Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения. М. : ПринтПро, 2018. 472 с.
25. *Грицанов А.А.* Новейший философский словарь. Минск : Книжный Дом, 1999. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/402/ (дата обращения: 19.09.2021).
26. *Дубичинский В.В.* Лексикография русского языка : учеб. пособие. М. : Флинта; Наука, 2009. 432 с.
27. *Мацкевич Н.А., Щитова О.Г.* Новейшие заимствования в русской терминологической сфере «Дизайн архитектурной среды» // Наука. Технологии. Инновации : сб. науч. тр. : в 9 ч. / под ред. А.В. Гадюкиной. Новосибирск, 30 ноября – 04 декабря 2020 г. 2020. Ч. 8. С. 727–732.
28. *Будыкина В.Г.* Графическая иллюстрация как средство семантизации терминов в одноязычных толковых и специальных словарях // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 256–263.

References

1. Halliday, M.A.K., Stevens, P. & McIntosh, A. (1964) *The linguistic sciences and language teaching*. London: Longman.
2. Swales, J.M. (2000) *Language for specific purposes. Annual Review of Applied Linguistics*. Vol. 20. Cambridge University Press.
3. Matskevich, N.A. & Shchitova, O.G. (2021) Modelling of terminological field “Architectural environment design”: logical and conceptual aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 3 (215). pp. 58–68. (In Russian).
4. Matskevich, N.A. (2021) [The dictionary project of Russian architectural and design terminology]. *Leksikografiya tsifrovoy epokhi* [Lexicography of digital era].

Proceedings of the International Symposium. Tomsk. 24–25 September 2021. Tomsk: Tomsk State University. pp. 70–73. (In Russian).

5. Moiseev, M.V. (2010) The appliance of definition analyses in linguoculturological research. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Omsk University*. 3. pp. 142–148. (In Russian).

6. Popova, L.V. (2012) Typology and classification of dictionaries. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 20 (274). pp. 106–113. (In Russian).

7. Kudashev, I.S. (2007) *Proektirovanie perevodcheskikh slovarey spetsialnoy leksiki* [Project conception of translational dictionaries of special languages]. Monographs 3. Helsinki: Helsinki University Translation Studies.

8. Grinev-Grinevich, S.V. (2008) *Terminovedenie* [Terminological Studies]. Moscow: Akademiya.

9. Serbinovskaya, N.V. (2009) *Terminologicheskoe pole “Marketing” v russkom yazyke*. [Terminological field “Marketing” in the Russian language]. Novocherkassk: Platon South-Russian State Polytechnic University.

10. Trofimova, N.A. & Shchitova, O.G. (2021) The newest borrowings in Russian building terminology of XXI century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 470. pp. 50–61. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/470/6

11. Shchitova, O.G. (2007) Functional and stylistic migration of borrowings as one of criteria of their assimilation in a language-recipient. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 294. pp. 102–108. (In Russian).

12. Plotnikova, A.M. & Slautina, M.V. (2019) *Ideograficheskie slovari v praktike prepodavaniya lingvisticheskikh distsiplin* [Ideographic dictionaries in teaching practice of linguistic studies]. [Online]. Available from: projournal.worldpress.com/archive/19/19-06/ (Accessed: 05.07.2021).

13. Trofimova, N.A. (2022) Russian special lexis of building: terminographical aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 1 (219). pp. 23–32. (In Russian).

14. Shchitova, O.G. & Trofimova, N.A. (2022) Cognitive frame modeling of the term system of the subject area “Building materials” in Russian of the XXI century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 1 (219). pp. 65–75. (In Russian).

15. Deniko, R.V. & Shchitova, O.G. (2015) Regular variation of network technology terms. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 3 (27). pp. 104–109. (In Russian).

16. *Russian-Japanese Dictionary Yakuru* [Online] Available from: <http://yakuru.net> (Accessed: 28.01.2022).

17. Krysin, L.P. (2010) *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow: Eksmo.

18. *Multitran Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.multitran.com/> (Accessed: 22.02.2022).

19. Komlev, N.G. (2006) *Slovar' inoyazychnykh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow: Eksmo.
20. Lovtsevich, G.N. & Trifonov, A.S. (2016) Term definition within the framework of traditional and sociocognitive approaches in terminology science. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika – Theoretical and Applied Linguistics*. 2 (1). pp. 50–62. (In Russian).
21. Vorontsov, R.I. (2015) [Large explanatory dictionary as a source of proper names defining]. *Slovo. Slovar'. Slovesnost': Dinamicheskie protsessy v yazyke, rechi i slovare* [Word. Dictionary. Literature: Dynamic processes in language, speech and dictionary]. Proceedings of pan-Russian scientific conference. St. Petersburg: SAGA. pp. 88–92. (In Russian).
22. Akhmetbekova, A.M. (2014) *Leksikograficheskie i metatekstovye kharakteristiki terminologicheskoy definitsii* [Lexicographical and metatextual features of terminological definition]. Philology Cand. Diss. Almaty.
23. Zarva, A.M. (2003) *Definitsiya kak tipologicheskaya raznovidnost' nauchnogo teksta* [Definition as a typological aspect of scientific text] Abstract of Philology Cand. Diss. Nalchik.
24. Shelov, S.D. (2003) *Termin. Terminologichnost'. Terminologicheskie opredeleniya* [Term. Terminology. Terminological definitions]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
25. Shelov, S.D. (2018) *Ocherk teorii terminologii: sostav, ponyatiinaya organizatsiya, prakticheskie prilozheniya* [Essay about theory of terminological studies: structure, conceptual organization, practical application]. Moscow: PrintPro.
26. Gritsanov, A.A. (1999) *Noveyshiyy filosofskiy slovar'* [The newest dictionary of philosophy]. [Online]. Available from: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/402/ (Accessed: 19.09.2021).
27. Dubichinskiy, V.V. (2009) *Leksikografiya russkogo yazyka* [Lexicography of the Russian language]. Moscow: Flinta, Nauka.
28. Matskevich, N.A. & Shchitova, O.G. (2020) [Contemporary borrowings in Russian terminological field “Design of architectural sphere”]. *Nauka. Tekhnologii. Innovatsii* [Science. Technologies. Innovations]. Conference Proceedings. Novosibirsk. 30 November – 04 December 2020. Vol. 8. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University. pp. 727–732 (In Russian).
29. Budykina, V.G. (2015) Graphic illustration as a means of terms semantization in monolingual definition and special dictionaries. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 256–263. (in Russian).

Информация об авторах:

Мацкевич Нина Александровна – аспирант Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия); ст. преподаватель кафедры иностранных языков Томского архитектурно-строительного университета (Томск, Россия). E-mail: nina.a.matskevich@gmail.com

Щитова Ольга Григорьевна – д-р филол. наук, профессор отделения русского языка Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: shchitova2010@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Nina A. Matskevich, postgraduate student, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); senior lecturer, Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nina.a.matskevich@gmail.com

Olga G. Shchitova, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shchitova2010@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.09.2022;
одобрена после рецензирования 08.10.2022; принята к публикации 10.02.2023.*

*The article was submitted 14.09.2022;
approved after reviewing 08.10.2022; accepted for publication 10.02.2023.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит четыре раза в год.

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: **<http://journals.tsu.ru/lex>**

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: **<http://journals.tsu.ru/lex>**

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – С.С. Земичева.

E-mail: lexikograph2020@yandex.ru

Научный журнал

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2023. № 27

Редактор Ю.П. Готфрид
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Я. Якобсон, Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 27.03.2023 г. Формат 80×84 ¹/₁₆.
Печ. л. 6,6; усл. печ. л. 6,1. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 5343.

Дата выхода в свет 04.04.2023 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru